

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

Никола ПЕТРОВИЧ

БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ
ОТ ВЛАСТИ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И СЕРБЫ
АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ.

(07.00.03 - всеобщая история)

ДОКЛАД

о совокупности научных работ, представленных на соискание ученой степени доктора исторических наук.

(Работы опубликованы на сербскохорватском языке).

Москва
1974

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

Никола ПЕТРОВИЧ

БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ
ОТ ВЛАСТИ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И СЕРБЫ
АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ.

(07.00.03 - всеобщая история)

ДОКЛАД

о совокупности научных работ, представленных на соискание ученой степени доктора исторических наук.

(Работы опубликованы на сербскохорватском языке).

Москва
1974

Работа выполнена в Историческом институте в
Белграде (Югославия).

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, профессор С.А.Никитин.
Доктор исторических наук, профессор В.Г.Карасев
Доктор исторических наук Т.М.Исламов

Внешний отзыв: Сектор истории СССР периода феодализма
Института истории СССР АН СССР

Доклад разослан " " _____ 1974 г.

Защита состоится " " _____ 1974 г.

в 16 часов на заседании Ученого совета Института
славяноведения и балканистики АН СССР, Москва,
Трубинковский пер., д.30а.

С работами можно ознакомиться в библиотеке

Ученый секретарь Совета

Е. П. Наумов

© Институт славяноведения и балканистики
АН СССР, 1974

В цикле работ, представленных мною для защиты диссертации на соискание степени доктора исторических наук, исследуется период, начинавшийся в 1860 г. и завершавшийся Берлинским конгрессом 1879 г. Эти два десятилетия проходили под знаком бурных событий, имевших решающее значение для национального развития ряда народов Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы. Обстановка в этой части Европы и ее политическая карта выглядели в конце семидесятых годов XIX века совершенно иначе, чем за двадцать лет до этого. Вызванные глубокими противоречиями внутри отдельных наций и народов, эти исторические процессы протекали не в рамках тех государственных границ, которые были установлены в Европе после разгрома революции 1848-1849 гг., а выходили за их пределы и перерастали в международные вооруженные столкновения, в войны. Внутренние кризисы, революционные процессы, гражданские войны и войны между непосредственно заинтересованными государствами взаимно переплетались, вовлекая в эти столкновения и великие европейские державы. Европейская система государств, созданная после наполеоновских войн, претерпела в ходе этого двадцатилетия существенные изменения, преимущественно в Центральной, Южной и Юго-Восточной Европе. Вновь подтвердилась, на наш взгляд, оставляемая без достаточного внимания до сих пор историческая закономерность, а именно, то, что глубокие, фундаментальные социально-экономические и политические сдвиги, имеющие историческое значение, всегда нек-

ладывают отпечаток на существующие в данный момент системы государств в отдельных регионах, неизбежно оказывают влияние на эти системы и приводят в этом отношении к меньшим или большим изменениям.

И действительно, корни глубоких общественно-политических потрясений и войн шестидесятых и семидесятых годов XIX века следует искать в тех неразрешенных проблемах, которые вызвали буржуазно-демократическую революцию 1848 - 1849 гг. После того, как мечу революции не удалось разрубить Гордиев узел и революционным путем решить исторически назревшие проблемы, буржуазно-демократическое преобразование общества после застоя, длившегося в течение целого десятилетия, начало осуществляться другими методами, путями и средствами. Этот своеобразный процесс захватил, как мы уже сказали, весьма широкие области Европы. Как никогда раньше на протяжении своей предшествующей истории, в эти события были вовлечены и югославянские народы и в своеобразной форме и сербы в Венгрии.

В революционных событиях 1848-1849 гг. вместе с остальными народами Габсбургской монархии участвовали и сербы Венгрии. В связи с неразвитостью общественных отношений и отсутствием класса, который мог бы направить сербское национальное движение по революционному, прогрессивному пути, сербское движение 1848-1849 гг. все больше подпадало под влияние габсбургской реакции и в конце концов, руководимое клерикально-консервативными силами сербского общества, кончилось полной неудачей и для самих сербов¹. Однако это поражение было одновременно и важным историческим опытом, который в начале шестидесятых годов начнет приносить свои плоды². Для сербов в Венгрии тогда начался ве-

---

¹ Против попыток ревизовать взгляды Маркса и Энгельса на революцию 1848-1849 гг. и изобразить их как ошибочные была направлена полемическая статья Н.Петровича: "О Васи Богданову и четрдесетосмоу" "Уметност и критика", Београд 1939, бр.3.

ликий исторический поворот, малая бескровная революция, которая будет иметь далеко идущие последствия для их национальной жизни в самом широком смысле этого слова. Этот великий исторический поворот вписывается в широкие рамки событий, характерных для всей монархии того времени. Каковы же были основные черты этих событий?

После поражения Австрии в войне с Италией и Францией в 1859 г. неабсолютистский контрреволюционный режим, установленный после поражения революции, потерпел крах. Потерпев поражение в войне, венское правительство вынуждено было отступить перед давлением демократических и национальных движений масс и после падения контрреволюционного режима Александра Баха в 1860 г. допустить известные демократические свободы, а угнетенным неравноправным народам предоставить более широкие возможности для создания политических организаций и их деятельности.

Мы уже сказали, что в шестидесятых годах сербы в Венгрии пережили малую бескровную революцию. Что мы хотели этим сказать?

Еще в 1859 г. нескольким сербским буржуазным интеллигентам в Воеводине удалось возглавить редакцию газеты "Србски дневник", которая ранее находилась в руках консервативного деятеля Данило Медаковича, и сплотить вокруг этого политического органа весьма активную буржуазно-демократическую и либеральную политическую группу. После краха абсолютизма Баха эта группа вскоре получила возможность выступить со своей платформой на весьма значительном политическом представительном собрании сербского народа в Венгрии, которое состоялось весной 1861 г. в Сремских Карловцах — центре сербского просвещения, религиозной и культурной жизни на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в.

---

² См. Никола Петровић. Три периода војвођанске политике. "Војвођански зборник", Нови Сад, 1938, бр. I; его же: Светозар Милетић. Београд, 1958. Главы III и IV, стр. 29-59.

На этом важном политическом собрании, вошедшем в политическую историю под названием Благовещенского собора, возникло новое прогрессивное политическое течение. Его вождь — Светозар Милетиц — выступил на Соборе с программой, которая по-существу противостояла взглядам большинства участников Собора, возглавляемого консерватором и австрофилом патриархом Иосифом Раяичем, личность, которая в 1848—1849 гг. возглавляла сербское национальное движение ³.

Вот два главных пункта этой программы.

Сербский народ в империи, считал Милетиц, обязан решительно бороться за свои национальные права и за свое национальное равноправие, но ни в коем случае не за счет своих гражданских прав. Борьба за конституционные демократические права должна быть тесно связана с борьбой за национальные права. Одно не может быть решено за счет другого. Этим своим требованием молодая сербская демократическая буржуазия противопоставила себя политике сербской клерикально-консервативной партии, ожидавшей от реакционных клерикальных полуфеодалных помещичьих кругов в Вене решения сербского вопроса в ущерб интересам венгерского и других народов, населявших Воеводину, и стремившейся к гегемонии в будущей многонациональной сербской Воеводине. Не останавливаясь здесь подробнее на чрезвычайно сложной проблеме создания сербской Воеводины в многонациональной области, где вряд ли можно было выделить некое административно-географическое целое, в котором сербы имели бы пусть даже мало-мальски значительное относительное большинство, укажем лишь на тот факт, что в конце шестидесятых годов сербская Народная партия в значительной степени отказалась от создания сербской Воеводины как неотложного требования дня и непосредственной цели ⁴.

---

³ Там же, стр. 59—82

⁴ N. Petrović: Jedno prelomno razdoblje srpsko-rumunskih odnosa u Habsburškoj Monarhiji — 1848—1875. Zbornik referata Prvog srpsko/jugoslovensko/-rumunskog simpozijuma održanog u Vršcu. Pančevo, 1972.

(Тудин день — день накануне сочельника, т.е. 23 декабря).

После того, как Светозар Милетиц — вождь нового демократически-либерального течения — таким образом отверг на Благовещенском соборе решение сребского вопроса на базе австрославянской федералистской консервативной концепции, он сделал и другой логический шаг в этом же направлении. Он отверг всякое сотрудничество с консервативными правящими кругами в Вене и в Австрии вообще. Еще до созыва Благовещенского собора в своей знаменитой статье на Туцин день⁵ С. Милетиц выступил с требованием, чтобы сербы в Габсбургской монархии покончили со своей традиционной политикой сотрудничества с реакционными правящими кругами в Вене, которые им бесчисленное число раз обещали предоставить более широкие национальные и политические права как только монархия оказывалась в тяжелом положении, чтобы затем, когда кризис миновал, все оставить по-старому. Поэтому сербы в Венгрии не должны больше позволять, чтобы австрийская реакция использовала их в качестве средства в борьбе против интересов других народов империи. Сербы достаточно долго были "гвардией Австрии", а венский двор им ни разу даже не оказал "спасибо", и не имел никакого желания удовлетворить их законные национальные и политические требования.

Эти программные принципы были для того времени не только новыми и смелыми, но и прогрессивными, ибо их целью было добиться того, чтобы сербский народ в Габсбургской монархии стал субъектом политики и никогда больше не был бы объектом в руках реакционных классов и (объективно) защитником их интересов. Однако для понимания проблемы, на которую мы в данном случае обратим наше главное внимание, важно особо подчеркнуть, что на протяжении шестидесятих годов XIX века огромное большинство сербов в Венгрии приняло этот новый курс по отношению к Австрии и Габсбург-

---

⁵ Н. Петровић. На распућу двеју Епоха. "Летопис Матице Српске", књ. 378, св. 6. Нови Сад, 1961.

ской монархии ⁶.

Так в жизни сербов в Венгрии начался крупный исторический поворот, который за неполное десятилетие даст весьма заметные результаты и приведет к коренным общественно-политическим изменениям: консервативно-клерикальная верхушка сербского общества в империи, возглавляемая высшей православной сербской церковной иерархией, лишится своего положения руководящей общественно-политической силы в сербском народе к северу от Савы и Дуная. После определенного периода невиданных ранее политических столкновений, которые, правда, были сравнительно непродолжительными, но зато весьма ожесточенными, уже в конце шестидесятых годов руководящим классом сербского народа в Венгрии становится новая, демократически и либерально ориентированная молодая буржуазия. Эта смена в верхах национальной и политической жизни не могла, естественно, не оказать влияния и на внешнеполитическую ориентацию сербской политической жизни в Венгрии.

Однако, прежде чем мы продолжим наше изложение, необходимо бросить критический взгляд на те выводы, к которым пришла сербская буржуазная историческая наука, изучая этот период.

х   х
          х

Периодом с 1860 по 1885 г. сербская историческая наука начала заниматься более или менее серьезно лишь после 1918 г. Тем не менее следует особо упомянуть о двух крупных и важных работах, вышедших до этого времени. Это прежде всего книга Йована Джорджевича о Благовещенском соборе 1861 г. ⁷ Опубликованная сразу же после проведения Собора

---

⁶ Н.Петрович. Сербь в Венгрии после австро-венгерского соглашения. Доклад на УП заседании югославо-чехословацкой комиссии историков в 1973 г. В печати на чешском языке.

эта книга, являющаяся сборником речей и постановлений Собора, представляет собой первоклассный источник для изучения этого важного представительного политического форума, тем более что издатель и редактор этой книги был в то время и редактором "Сербского дневника" и в том же году был назначен директором только что созданного Сербского народного театра в Нови Саде ⁸. Вместе с тем он был одним из выдающихся представителей нового буржуазно-демократического курса в политической жизни сербов в Венгрии.

Много позднее, в 1915 г., непосредственно перед военным поражением Сербии и ее оккупацией, в Нише была опубликована книга Йована Радонича "Србы в Венгрии" ⁹. Написанная с целью удовлетворения непосредственных политических нужд того момента, когда Сербия сражалась не на жизнь, а на смерть против австро-германского вторжения, и содержащая весьма сильную критическую тональность в отношении политики правящих кругов в Вене, а также в Будапеште, эта книжка содержит святой синтетический обзор событий, оставаясь при этом, что касается их толкования, на позициях буржуазного идеалистического метода. Тем не менее это было произведение опытного и образованного историка, а не публициста. Однако в отношении истолкования коренного вопроса в жизни сербов в Воеводине после 1860 г. — столкновения клерикально-консервативной и демократически-либеральной партий — Й. Радонич проявил полное непонимание и неспособность понять сущность и глубокие общественные и исторические корни наступившего непримиримого и неизбежного истори-

---

⁷ Јован Ђорђевић. Радња Благовештенског сабора народа српског у Сремским Карловцима 1861. Нови Сад, 1861, 293 стр.

⁸ Никола Петровић. Друштвене и политичке прилике у Војводини у доба оснивања Српског народног позоришта. "Споменица Српског народног позоришта. Нови Сад, 1961.

⁹ Јован Радонић. Срби у Угарској. Ниш, 1915, 68 стр. Большая часть тиража погибла во время войны.

ческого столкновения. Так он, например, пишет, что "нехорошо было, что народная партия под руководством д-ра Светозара Милетица вступила в острый конфликт с иерархией", что "и с той и с другой стороны перегибали палку в ущерб делу народа", что "под влиянием старых традиций и современных либеральных идей" представители нового направления хотели "реформировать даже и консервативные церковные учреждения" и что "очень жаль, что Собор потратил драгоценное время на бесплодные препирательства и упустил благоприятные возможности" ¹⁰.

Оценка, даваемая Радоницем, характерна для правого крыла сербской буржуазной историографии в Воеводине. Она пропитана насквозь субъективизмом и идеализмом. Автор книги считает, что речь шла о столкновении идей, причину которого он ищет в субъектах, в носителях политических столкновений. Но ведь эти столкновения держали в крайнем напряжении национальную жизнь сербов в Венгрии на протяжении целых двух десятилетий! Й. Радониц не способен понять, что это был не единичный эпизод, не преходящее более или менее случайное столкновение, а объективно обусловленный исторический раскол, который в свою очередь был частью гораздо более широкого исторического процесса, постепенно захватывавшего весь европейский континент после победы великой французской буржуазной революции и наполеоновских войн.

Неизбежное и объективно обусловленное, это столкновение было прогрессивным явлением в политической и национальной жизни сербов в Венгрии, и поэтому абсурдно говорить, что "очень жаль", что дело вообще дошло до этого столкновения. Напротив, борьба между двумя лагерями оказывала положительное влияние на развитие политического сознания сербских масс и отрывала их от консервативных, отживших, религиозных, по своему существу средневековых идей и представлений. Для Й. Радоница особенно характерно то, что он считает, что было "упущено время", потраченное на пустые взаимные ссоры, и не была использована возможность добиться

---

¹⁰ Там же, стр. 56-57 (подчеркнуто нами - Н.П.)

от правительства предоставления нового статута сербской православной церкви подобного тому, какого румынскому митрополиту в империи А.Шагуне удалось добиться для румынской православной церкви.

Не входя в рассмотрение вопроса о том, каковы были различия между положением сербов и румын в Венгрии, и считая, что любая механическая параллель является ненаучной и антиисторичной, мы должны подчеркнуть, что и сербские консерваторы и клерикалы стремились к тому, чтобы роль сербской православной церкви в империи была ограничена узко религиозными и школьными вопросами. Сербские же буржуазные демократы и либералы шестидесятых и семидесятых годов XIX века считали, что и вопросы сербской православной церкви и школьного дела следует рассматривать через призму и в свете гораздо более важных вопросов, имеющих решающее значение для национальной жизни сербского народа и остальных югославянских народов, да и для всех угнетенных народов не только Габсбургской монархии, но и Османской империи и Балканского полуострова. В этом и состояло основное различие между двумя политическими линиями. Исходя из позиций исторического материализма, задача исторической науки состоит в выявлении движущих сил данного явления, а не в причитаниях по поводу "прикорбных" столкновений, расколовших сербскую национальную жизнь того времени.

После завершения первой мировой войны и создания югославского государства интерес к истории сербов в Венгрии после 1860 г. значительно вырос. В первое время, вплоть до середины тридцатых годов, этой проблемой занимались исключительно буржуазные историки. Однако было бы неправильно утверждать, что существовало только одно направление и что оценки историков во всем совпадали, хотя идейная и методологическая основа всех направлений буржуазной историографии по своему существу была одна: идеализм и субъективизм. Встречающиеся среди буржуазных историков различия в интерпретации событий имели во всяком случае и свою общественную и политическую основу в отношениях

в старой, капиталистической и монархической Югославии.

Сербские историки из Воеводины в то время посвящали свое внимание преимущественно проблемам истории нынешней Воеводины и особенно изучению Сербской народной либеральной партии и деятельности ее основателя и вождя Светозара Милетича. Но и между ними существовали различия, о чем будет сказано ниже.

Белградская историческая школа, возглавлявшаяся самым выдающимся и самым консервативным сербским историком в период между двумя войнами — Слободаном Йовановичем, обратила свое внимание прежде всего на Сербию в XIX веке. Походя она касалась и истории сербов в Воеводине и интерпретировала и освещала ее применительно к своим интересам.

Сначала остановимся на группе историков из Воеводины и укажем на сходство и различия между ними.

В 1926 г., в связи со столетием со дня рождения Милетича, в Нови Саде вышли в свет две книги о Народной партии и ее основателе. Трива Милитар опубликовал в издании газеты "Застава" — воеводинского органа Сербской радикальной партии — книгу под названием "Светозар Милетич и его эпоха". Эта книга написана в публицистической манере и имеет незначительную научную ценность, преимущественно потому, что в ней в совершенно недостаточной степени использованы источники. Исследование Васы Стайча "Светозар Милетич, его жизнь и деятельность" II гораздо полнее документировано и в этом отношении до сих пор непревзойдено. Недостаток ее заключается в том, что автор мало использовал архивные материалы, но эту нехватку он стремился восполнить широким использованием опубликованных источников. Если книга Милитара почти полностью забыта и очень редко используется, то исследование Стайча ввиду его документальной ценности ци-

---

II Васа Стайч. Светозар Милетич, живот и рад. Нови Сад, 435 стр. — В сильно сокращенном виде (всего 167 стр.) книга была вторично напечатана накануне второй мировой войны (в 1938 г.) в Белграде.

тируется и сегодня. Именно поэтому о нем следует сказать поподробнее.

Книга делалась в спешке, чтобы быть готовой в юбилейном году, и это обусловило наличие ряда композиционных и языково-стилистических недостатков. Можно даже сказать, что автору не удалось освоить все богатейшие источники, которыми он располагал¹².

В идейном и методологическом отношении автор прочно стоит на почве буржуазной историографии. Он не видит более глубоких, материальных и общественных корней исторических явлений. И для него политическая борьба — это борьба идей, рождающихся в головах людей, правда как отражение идейных и политических течений, характерных для определенной эпохи. Для Васы Стаича не существует классовой борьбы. Для него народы и нации являются однородным целым, внутри которого, правда, разыгрываются политические столкновения, но они всегда являются результатом идейно-политических воззрений и течений, а не закономерным выражением и отражением процессов, происходящих в общественной и экономической структуре наций, как исторически возникших общностей. Такой подход к политической борьбе того времени особенно опасен, когда дело касалось оценки политики будапештского буржуазно-помещичьего правительства после австро-венгерского соглашения 1867 г. На столкновение между правящими кругами Будапешта и Сербской народной партией Васа Стаич смотрит как на борьбу между сербами и венграми, между сербским и венгерским народами. Автор не понимает, что и трудящиеся массы венгерского народа подвергались эксплуатации и были лишены политических прав собственными венгерскими привилегированными классами. Фактически именно поэтому автор, хотя политически и принадлежал к левому крылу сербской буржуазно-демократической оппозиции в Воеводине, нередко занимал националистическую позицию по отношению к венгерскому

---

¹² О том, что книга писалась наспех, говорит и сам автор в предисловии (стр. VI).

народу, в особенности когда он писал о периоде жестокой борьбы Народной партии против реакционной денационализаторской политики будапештского правительства.

Книга Стаича о Народной партии и ее основателе в значительной степени страдает от метафизических наслоений. Автор не видит и в достаточной степени не подчеркивает, что Милетич и его партия были продуктом определенной эпохи и прогрессивным историческим явлением для своего времени и что историческое развитие давно перешагнуло через политические программы и воззрения, актуальные для начала второй половины XIX века. Из такого антиисторического подхода неизбежно проистекал еще один крупный недостаток. В. Стаич идеализирует Милетича, он не видит классовую сущность и ограниченности возглавлявшегося им направления и поэтому говорит, что об этой личности надо не писать, а слагать стихи¹³. Причину же всех политических бед и неудач, обрушившихся на сербов Воеводины после отхода Милетича от активной деятельности и продолжавшихся и после 1918 года, Стаич, последовательно придерживавшийся своей идеалистической позиции, видит в следующем: "Устала Воеводина и до сего дня не может подняться, ибо не нашла она замены своему самому лучшему сыну, жившему во второй половине XIX века"¹⁴.

Крупнейший исследователь истории Народной партии в период до появления в Югославии марксистской исторической науки Васа Стаич считал, что принципы этой партии имеют для сербов в Воеводине так сказать постоянную, непреходящую ценность. Тем не менее Стаич правильно подметил, что С. Милетич был самой прогрессивной и самой боевой личностью в Народной партии, что он находился на ее демократическом крыле и что между ним и вождем правого крыла партии, правым либералом Михайлом Полит-Десанчичем существовало различие. Во всяком случае по своему историческому значению Милетич далеко превосходил Полита.

---

¹³ Там же, стр. УІ.

¹⁴ Там же, стр. 434

Когда речь идет о Васе Стаиче как историке, необходимо не упускать из виду еще одно обстоятельство. Являясь видным общественным и культурным деятелем (одно время он был председателем правления Матицы сербской), будучи в оппозиции к реакционным режимам и правительствам старой капиталистической Югославии, он нашел в себе силы и отвагу после прихода Гитлера к власти установить связи и начать искренне сотрудничать с той частью интеллигенции, которая стояла на крайнем левом крыле общественной и культурной жизни Югославии, в том числе и с коммунистами. Последовательно придерживаясь этого пути, решительно отстаивая демократические традиции важного периода новой истории сербов в Венгрии, Васа Стаич под конец своей жизни перешел на сторону Народно-освободительного движения и в конце войны ушел на освобожденную партизанами территорию, будучи в то время уже тяжело больным. До конца своей жизни он тесно сотрудничал с Коммунистической партией Югославии.

Среди сербских историков, освещавших период с 1860 по 1885 г. с позиций правых либералов, наиболее известны Коста Н. Милутинович и Никола Милутинович. В 1936 г. К. Н. Милутинович опубликовал книгу "Михайло Полит-Десанчич как историк". Заголовок книги не отвечает ее содержанию. Михайло Полит-Десанчич был плодовитым публицистом и журналистом на протяжении ряда десятилетий, время от времени он писал и на исторические темы, но отнюдь не как историк, а лишь преследуя непосредственные политические цели. Но и это не столь уж важно. Новым и "оригинальным" в книге Милутиновича было необоснованное утверждение, что Михайло Полит-Десанчич по своему историческому значению как глава Сербской либеральной партии в Венгрии после распада Народной либеральной партии Милетича и тяжелой болезни последнего был наследником Милетича и с исторической точки зрения фигурой такого же значения, как и Милетич. Как журналист, публицист и оратор в парламенте Полит, по мнению Косты Н. Милутиновича, даже превосходил основателя Сербской народной партии. Однако К. Н. Милутинович не остановился на этом, а

пошел гораздо дальше.

В главном вопросе эпохи, в вопросе, который далеко выходил за границы Воевоины и даже Венгрии, — в восточном и балканском вопросе, — Коста Милутинович ставил Полиа не только на одну доску с Милетичем, но и, более того, выше его! Этот свой тезис К.Н.Милутинович более подробно и более "последовательно" разработал в книге "Светозар Милетич"¹⁵ Гораздо меньшая по объему, чем книга Стаича, эта книга Милутиновича и значительно беднее ее по использованным источникам. Она скорее носит характер публицистического произведения, нежели исторического исследования. При этом она крайне односторонняя и тенденциозна в истолковании событий и личностей. В отношении к венгерскому народу она стоит на националистических позициях и отождествляет трудящиеся массы Венгрии с правящими эксплуататорскими классами и их политикой по отношению к сербам и остальным угнетенным народам Венгрии. Метафизическая интерпретация истории у К.Милутиновича гораздо более ярко выражена, чем у Васи Стаича. Так, например, он ставит на одну доску два совершенно различных по своему объективному содержанию и месту в истории периода в политической жизни сербов в Воевоине — период до 1885 года и период тяжелого кризиса в сербском буржуазно-демократическом лагере после 1885 г. Он некритически преувеличивает значение Сербской либеральной партии и столь же некритически и даже антиисторически преуменьшает значение Сербской радикальной партии, не отмечая при этом никакой разницы между отдельными этапами развития партии¹⁶.

В своей тенденциозной, метафизической ненаучной интерпретации прошлого сербского народа К.Н.Милутинович доходит даже до абсурда. Так, говоря о Бечкерекской программе Народной партии, принятой в январе 1869 года, в частности,

---

¹⁵К.Н.Милутиновић: Svetozar Miletic, Zagreb, 1939, II 4 str.

¹⁶Lazar Rakić. Radikalna stranka u Vojvodini do početka XX veka, doktorska disertacija, rukopis, Novi Sad, 1971, 499 str.

о ее шестом пункте, касающемся восточного вопроса, он утверждает, что "она содержит первый зародки программы международного союза невенгерских народов", принятой на съезде невенгерских народов в августе 1895 г. в Будапеште. Более того, что она была "ничем иным, как политической базой довоенной Малой Антанты" ¹⁷.

Для нас, однако, важнее, как Коста Н. Милутинович интерпретирует взгляды С. Милетича и М. Полит-Десанчича по восточному вопросу. В обеих своих упомянутых книгах К. Н. Милутинович утверждает, что Полит-Десанчич и С. Милетич были "у нас" "самыми компетентными толкователями" восточного вопроса, но что именно Политу принадлежит приоритет не только по числу опубликованных по этой теме работ, но и в связи с тем, что он в 1862 году, за год до Милетича, опубликовал в известной газете Имбро Игнatieвича Ткалаца "Ост унд вест" свою работу под названием "Восточный вопрос и его органическое решение" и что С. Милетич лишь после него, в 1863 году, опубликовал в "Сербском дневнике" работу под названием "Восточный вопрос" ¹⁸. Разве имеет какое-либо значение временной приоритет и какое значение он имеет в данном случае?

Что касается оценок и выводов двух названных публицистов и общественных деятелей, К. Н. Милутинович пишет, что Полит "своими статьями и исследованиями ... повлиял на всех последующих интерпретаторов и комментаторов восточного вопроса... и естественно, что он своей интерпретацией повлиял и на Светозара Милетича" ¹⁹. Однако на этом он не останавливается, а идет дальше и утверждает, что высказанные Политом "мысли вскоре стали всеобщим достоянием и нашли свое отражение в шестом пункте Бечкерекской программы, в политической идеологии Объединенной сербской омладины, в балканской политике князя Михаила, в трудах Светозара Марковича, Владимира Йовановича, Любена Каравелова и других" ²⁰

---

¹⁷ К. Н. Милутинович. *Op. cit.*, str. 97.

¹⁸ С. Милетич. Источно питање. "Србски Дневник", 1863, бр. 174, 176

¹⁹ К. Н. Милутинович. *Op. cit.*, str. 97.

Свои абсурдные преувеличения сербский либеральный историк увенчивает следующим, еще более бессмысленным утверждением:

"Бросается в глаза, что в своих статьях по восточному вопросу Милетич нигде не упоминает Полита, хотя он почти во всем придерживался его концепции" ²¹.

Это значит, что Милетич не только согласился со взглядами Полита по восточному вопросу, но и, более того, присвоил их и выдал за свои. Таким образом, он не только не был оригинальным, но был еще и плагиатором! Разумеется, ни то ни другое не соответствует действительности. Во-первых, позиции двух общественных деятелей по восточному вопросу вообще не были одинаковыми, о чем мы еще будем говорить ниже; во-вторых, Милетич в своей статье ясно говорит, что о балканской конфедерации, или федерации, до него писал один его "молодой друг". Этого упоминания было совсем достаточно, чтобы сербской читающей публике было ясно, о ком идет речь.

Каждому, кто занимался восточным вопросом, также станет ясно, что не менее бессмысленно утверждать, что Светозар Маркович и остальные балканские общественные и политические деятели были последователями Полита и пропагандистами его идей, а что Михаил Обренович, Народная партия в Воеводине и Омладина в своей практической политической деятельности только претворяли в жизнь замыслы М. Полит-Десанчича.

Попытку в противовес Милетичу поднять на щит правого либерала Полит-Десанчича с негодованием отверг еще Васа Стаич накануне второй мировой войны ²². Тем более обязана была марксистская историческая наука заняться этим ключевым вопросом.

---

²⁰ Ibid., str. 99.

²¹ Ibid., str. 99.

²² Изabrани чланци Светозара Милетича. Нови Сад, 1939. С предисловием В. Стаича.

Слободан Йованович — самая представительная личность из лагеря сербских буржуазных историков из собственно Сербии между двумя мировыми войнами — обработал и осветил применительно к сюжетам, которыми он занимался, политическую жизнь сербов в Венгрии. В работах "Второе правление Милоша и Михаила" и "Правление Милана Обреновича"²³ история сербов в Венгрии интересует сербского консервативного историка лишь в связи с внешней политикой Сербии и с Объединенной сербской омлидиной. Сотрудничество либералов Сербии и народников Воеводины его занимает также лишь в той мере, в какой это касается Омладины.

Нас здесь особенно интересует, как С. Йованович объясняет столкновение между Сербской народной либеральной партией и Михаилом Обреновичем, которое продолжалось и после гибели князя, во время режима Регентства. По С. Йовановичу разногласия возникли потому, что Михаил Обренович в 1867 году якобы обещал новому венгерскому правительству, что Сербия будет уважать территориальную целостность Венгрии, что поэтому "Милетич, который под освобождением сербского народа подразумевал в первую очередь освобождение сербов в Венгрии, резко нападал на князя Михаила за то, что тот венгерских сербов составил вне рамок будущей Великой Сербии. Он надеялся, — продолжает С. Йованович, — что Регентство исправит эту ошибку; однако Регентство продолжало вести по отношению к венграм политику Михаила"²⁴.

---

²³ Слободан Йовановић. Друга влада Милоша и Михаила, Београд, 1922 (П издание— 1933), 502 стр.; его же: Влада Милана Обреновића. Београд, 1925, (П издание — 1934) т. I—III. Все цитаты взяты из II издания.

²⁴ С. Йовановић. Влада Милана Обреновића, стр. 228. В 1882 г. в одной из своих речей С. Милетич, в частности, сказал: "Мы — полмиллиона венгерских сербов, живущие попеременно вместе с миллионом других жителей, — не можем желать отделения и присоединения к Сербии" (Цит. по книге В. Стаича, I-е изд., стр. 419).

Это свое утверждение С.Иванович ничем не доказывает и не может доказать, ибо оно находится в вопиющем противоречии с историческими фактами²⁵. Не выдерживает критики также и взгляды С.Ивановича на Омладину, особенно на ее концепции касательно решения восточного вопроса и на причины ее столкновения с Михаилом Обреновичем.

х х
х

Для марксистской исторической и теоретической мысли были неприемлемы точки зрения и оценки сербской буржуазной исторической науки независимо от различий между отдельными историками. Поэтому было необходимо осмыслить и осветить этот важный период сербской истории с позиций марксистской методологии, в частности, и потому что в начале второй половины XIX в. в Сербии проживало 1250 000 человек, а в Венгрии — 500000 сербов, причем в целом сербов жило вне пределов сербского государства больше, чем в его границах. Как свидетельствуют все доступные источники, влияние Сербской народной либеральной партии выходило далеко за пределы нынешней Воеводины и ощущалось во всех югославянских землях. Через болгарского демократа Любена Каравелова она была связана с болгарским освободительным движением, она была связана с национальными движениями всех остальных славянских

В период между двумя войнами о восточном вопросе писал и Василь Попович. Источно питање, II издание, Сарајево, 1965; его же. Европа и српско питање у периоду ослобођења 1804—1918. Београд, 1938. Вопросы о сербах в Венгрии этот историк касается большей частью попутно. Его оценки более справедливы и объективны, чем оценки С.Ивановича.

²⁵ Н.Петровић. Србијански либерали и војвођански народњаци. В его кн. Око Милетића и после њега, Нови Сад, 1964, стр. 89—121. Его же. Filozofija istorije i istorijski metod Slobodana Jovanovića. — "Jugoslovenski istorijski časopis", 1965, br. I.

народов империи, а также с румынами в Трансильвании и Банате. Никогда раньше эти связи не были такими интенсивными и разветвленными как после 1860 г. Это относится и к связям с Россией, с выдающимися общественными, культурными деятелями и деятелями в области просвещения России и вообще с русским народом. Этот период, — и это не менее важно, — еще в течение долгого времени оставался в исторической памяти народа как положительная и прогрессивная традиция. Все эти обстоятельства требовали освещения этого исторического периода по-новому.

Первые попытки автора этих строк с марксистских позиций осмыслить прошлое сербов в Венгрии относятся к 1936 г.²⁶ В журнале, который начал выходить по инициативе подпольной Коммунистической партии Югославии и был ее нелегальным органом по культурным, литературным и научным вопросам, нами была опубликована статья в связи с празднованием 70-летия Объединенной сербской омладины. В вводной части статьи давалась оценка сербского движения в 1848—1849 гг., исходя из оценок основателей научного социализма Маркса и Энгельса. Затем говорилось о периоде контрреволюции в Австрии, о так называемом абсолютизме Баха и на конкретном историческом примере показывалось, что сотрудничество руководства сербского движения 1848—1849 гг. с реакционными силами, объединенными вокруг венского двора, не принесло сербам того, что они ожидали, а привело к прямо противоположным результатам. Поворот в политической жизни сербов после 1860 г. оценен положительно, в частности, и как результат трудного исторического опыта, приобретенного во время революции. При этом особенно подчеркивалось, что Народная партия и Омладина стремились борьбу сербов в Венгрии за национальное равноправие и демократические свободы сообразовы-

---

²⁶ Н.Петровић. Седамдесетогодишњица Уједињене омладине српске. "Наша стварност", Београд, 1936, бр.3-4

вать с прогрессивными политическими течениями в Европе того времени. Омладина оценивалась как прогрессивная организация и при этом особое внимание было уделено сотрудничеству сербских революционных демократов и социалистов-утопистов, группировавшихся вокруг Светозара Марковича, с этой организацией. С учетом строгой цензуры в капиталистической Югославии, о многих вещах было сказано "эзоповским языком". По примененной методике, по выводам и оценкам, особенно же по острой критике и отрицательной оценке сербского движения в 1848-1849 гг. и роли церковной иерархии, а также и в отношении оценки Омладины эта работа начинающего историка в корне отличалась от всего того, что до этого было написано на эту тему в сербской буржуазной исторической науке и не только на ее правом, но и на левом крыле ²⁷. При этом марксистско-ленинская оценка революции 1848-1849 гг. имела целью дать отпор ошибочным ревизионистским концепциям Васи Богданова, который, заявив, что выступает якобы с марксистских позиций, объявил точку зрения Энгельса на революцию и на сербское национальное движение ошибочной, якобы противоречащей историческим фактам ²⁸.

Следующим в цикле работ, посвященных истории сербов в Венгрии, было исследование о Светозаре Милетиче, опубликованное в 1939 г. в легальном органе Союза коммунистической молодежи Югославии "Млада култура" ²⁹. Написанная в обста-

---

²⁷ Речь идет об исследованиях Йована Сжерлича "Омладина и ее литература" и "Светозар Маркович". В обоих случаях выводы Сжерлича во многом отличаются от выводов Сл. Йовановича.

²⁸ V. Bogdanov. Ustanak Srba u Ugarskoj 1848-1849. Zagreb, 1928 (II izd. 1938). См. примеч. I.

²⁹ Расширенный и дополненный текст речи, произнесенной на массовом антифашистском митинге в Носи Саде 1 октября 1939 года в связи с открытием памятника Светозару Милетичу.

новке, когда велась ожесточенная борьба по вопросу о внешнеполитической ориентации Югославии и когда фашизм угрожал независимости Югославии, эта статья уделяла внимание не только проблемам 1848-1849 гг., но и внешнеполитической программе Сербской народной либеральной партии, причем в ней специально подчеркивалось то, что было новым и прогрессивным в ее общей ориентации. Особое внимание было уделено формулированию того положения, которое касалось критического отношения Милетича к политике царского правительства, а также подчеркивало его уверенность в том, что другая, прогрессивная русская внешняя политика будет представлять прочную опору в борьбе балканских народов за национальную независимость и свободу. Хотя из-за строгой цензуры эта мысль должна была быть высказана очень осторожно, намек был ясным и он преодолел цель подчеркнуть необходимость как можно более тесного сотрудничества Югославии с Советским Союзом в борьбе против государств "оси". Так историческое наследие использовалось как оружие в борьбе не только против буржуазной идеологии, но и против реакционной буржуазной политики.

Проблемы, поднятые в статье об Омладине за три года до этого, здесь разработаны гораздо полнее. Особое внимание было уделено стратегии и тактике освободительной борьбы балканских народов против Османской империи. Тем не менее это все еще были первые шаги в том направлении; в последующих исследованиях эти вопросы подвергались дальнейшей разработке.

Работы, опубликованные перед второй мировой войной, были, следовательно, лишь введением в более полное и всестороннее освещение и осмысление истории сербов в Венгрии. В 1958 г. автор этих строк опубликовал книгу под названием "Светозар Милетич. 1826-1901"³⁰, в которой в сжатой фор-

---

³⁰ Н.Петровић. Светозар Милетић, стр.260. В связи с характером издания "Портреты" научный аппарат отсутствует.

ме дан целостный обзор периода между 1848 и 1885 гг. При этом главное внимание автора было сосредоточено на периоде после 1860 г. В этой книге особенно подробно освещены два вопроса: во-первых, внутренние процессы в сербском обществе того времени и в самой Народной партии; во-вторых, внешнеполитические вопросы, которые всегда рассматриваются в тесной связи с внутренними отношениями и процессами, но в то же время и как составная часть событий, означавших переломный пункт в истории Центральной и особенно Юго-Восточной Европы. Недостатком книги является то обстоятельство, что ввиду ее ограниченного объема, обусловленного характером издания, пришлось исключить главу об Омладине. При этом однако уделено должное внимание откликам на Парижскую Коммуну в Воеводине ³¹, кризису и распаду Народной партии, балканскому вопросу и великому восточному кризису 1875-1878 годов.

х х
х

Чтобы понять генезис стратегической линии Народной партии по отношению к восточному вопросу и его сущности, а также причины разногласий правого и левого крыла партии в этом отношении, было необходимо разобрать и критически проанализировать две уже упоминавшиеся работы, посвященные этой проблеме, а именно: работу Полита, написанную в 1862 году, и работу Милетича, опубликованную годом позже. Вот основные результаты нашего анализа и выводы, к которым мы пришли.

Как Полит, так и Милетич искали такое решение восточного вопроса, которое с одной стороны, соответствовало бы

---

³¹ Н.Петровић. Светозар Милетић и Париска Комуна. "Летопис Матице Српске", 1956, кн 377, св.5-6; его же: Odjeci Pariske komune u srpskoj javnosti Vojvodine i Ujedinjenoj omladini srpskoj. Zbornik. Stogodišnjica Komune. Beograd, 1971, том II, стр. 803-823.

интересам "европейских великих держав в этой части Европы", а, с другой стороны, привело бы к национальному освобождению угнетенных народов Османской империи на Балканском полуострове и к утверждению их национальной государственности. Оба автора приходят к выводу, что такое решение можно найти, и считают, что наиболее подходящим для этого является такое широкое государственное образование, как конфедерация, которая состояла бы из Румынии, Греции и южнославянского государства, в состав которого вошли бы сербы и болгары к югу от Дуная и Савы. При этом и само южнославянское государственное объединение было бы организовано на федеративной основе в качестве сербско-болгарского федеративного государства.

Таким образом между двумя политическими деятелями не было никаких различий в отношении будущей наиболее подходящей и целесообразной формы государства после ликвидации Османского господства. И это совершенно понятно, так как идея конфедеративного или федеративного устройства Балканского полуострова после ликвидации Османского господства напрашивалась сама собой, как наиболее полезное и идеальное решение. Впрочем, в это же время появляются различные проекты федеративного или конфедеративного устройства Центральной и Юго-Восточной Европы, где вперемешку жили представители различных наций, большие или меньшие национальные группы и даже целые народы. Однако будущее устройство этой территории меньше всего зависело от планов и проектов, сколь бы разумными и оправданными они ни были. Ведь общественно-политическое содержание будущего государственного устройства, разумеется, зависело от соотношения сил и международной обстановки в момент формирования тех или иных проектировавшихся конфедераций и федераций. А соотношение сил в свою очередь прямо зависело не от того или иного проекта, а от целого ряда факторов, и прежде всего, от того, в какой мере угнетенным народам удастся мобилизовать свои потенциальные силы и резервы и провести в жизнь демократическую стратегическую линию, которая в максималь-

но возможной степени была бы способна обуздать претензии европейских великих держав, в первую очередь, Австрии, претендовавшей на османское наследие на Балканах и являвшейся непримиримым противником идеи создания на развалинах Турции южнославянского государства, способного к независимому и свободному развитию. Поэтому совершенно оправдано, что еще Стаич отверг попытку Косты Н. Милутиновича выдвинуть на первый план вопрос приоритета в отношении конфедеративного устройства Юго-Восточной Европы и приписать этот приоритет М. Полит-Десанчичу и тем самым поставить его впереди Милетића или по крайней мере вровень с ним. Ибо, как верно подметил Стаич, — "нас не интересует проблема первенства и оригинальности в постановке вопроса, о котором написано неизвестно сколько сотен, а, может быть, и тысяч томов", — поскольку существенными являются конкретная политическая акция и борьба за осуществление задуманного проекта ³².

Но не менее важным, напротив, гораздо более важным, чем вопрос приоритета, был вопрос о том, совпадают ли и в какой мере взгляды, высказанные в двух упомянутых работах по восточному вопросу в остальных, более важных пунктах. Посмотрим, как обстоит дело в этом отношении.

Милетић и Полит расходились, во-первых, в оценке обстановки, сложившейся в результате Парижского мира. Полит считал, что Парижский договор создает положительные условия и является шагом вперед в решении восточного вопроса. Более того, Полит считал, что договор значительно приблизил решение этого вопроса. Следовательно, положения Парижского договора Полит берет в качестве основы и положительной предпосылки для решения восточного вопроса в соответствии с предлагаемой им линией. Для того, чтобы свои замыслы будущего устройства Юго-Восточной Европы как-то привести в соответствие с положениями договора, он толкует его произвольно и приписывает ему в отношении балканских

---

³² Предисловие В. Стаича к сборнику "Изабрани чланци Светозара Милетића", Нови Сад, 1939.

народов содержание, которого договор не имел.

В противоположность Политу, основатель Народной партии считал, что Парижский договор наносит вред интересам народов этого региона, поскольку он заковал народы Юго-Восточной Европы в "еще более тяжелые цепи", и они должны разорвать их, если не хотят оказаться "в положении настоящих колоний".

Положительная оценка договора послужила правому либералу Политу в качестве принципиальной основы для дальнейших политических выводов. Выражая свою глубокую веру в то, что в решении восточного вопроса, как и всегда в истории, все-таки победит "моральный принцип" и "восторжествует разум", он с полным доверием обращается к европейским великим державам, убеждая их, что решение восточного вопроса отвечает их интересам, и даже призывает великие державы оставить в стороне свои "особые интересы" и принять решение, которое он им предлагает. Ибо, как утверждал Полит, его проект балканской конфедерации представляет как раз такую государственную форму, которая удовлетворит не только интересы балканских народов, но и "законные интересы великих держав".

С этим исходным положением в полном соответствии находятся и остальные выводы Полита. В решении восточного вопроса самим балканским народом он отводит совсем второстепенную роль. Об этом в его работе говорится лишь вскользь. Это совершенно понятно для политического деятеля и теоретика, который все надежды возлагает на европейские великие державы и поэтому считает своей первейшей задачей убедить их в необходимости пересмотра своей прежней политики на Балканах.

Но если согласиться с Политом, что решение восточного вопроса зависело от того, будет ли великим державам предложен проект, приемлемый для них всех, то балканским народам не оставалось ничего другого, как с надеждой и доверием ожидать, что их освобождение от османского феодализма осуществит кто-то другой, а не они сами. Сама по себе ориентация на решающую роль великих держав была оппорту-

нистической, так как оказывала демобилизующее воздействие. Таков логический вывод, который напрашивается при чтении работы Поляка. Поэтому совершенно понятно, что демократическое, прогрессивное крыло сербского политического движения в Венгрии быстро отреагировало на оппортунистическую позицию Поляка, а именно серией статей Милетича.

В своей работе о восточном вопросе, судя по тому, что в ней является определяющим и что занимает большую ее часть, прогрессивный буржуазный демократ Милетич подходит к анализу проблемы с позиций, противоположных исходным положениям правого либерала Поляка. Движущей силой истории балканских народов является по Милетичу борьба противоположных интересов. Положение, созданное Парижским договором, также является результатом длительной борьбы противоположных интересов. На Балканах сталкивались и продолжают сталкиваться интересы трех крупных сил: интересы угнетенных народов, интересы соседних великих держав, особенно России, и интересы остальных европейских великих держав. А раз так, то балканским народам не остается ничего другого, как самим активно включиться в непрекращающуюся борьбу, а не быть ее пассивными наблюдателями. Из этого фундаментального положения Милетич делает вывод о необходимости и неизбежности совместной вооруженной борьбы восточно-европейских народов против турецкого феодализма, так как по его словам, "согласие этих народов является главным и единственным условием их возрождения". Напротив, если бы балканские народы ожидали своего освобождения от великих держав, то они остались бы "навсегда игрушкой в дипломатических интригах, предметом властолюбивых устремлений других государств... но они не скоро бы увидели желанную, полную и настоящую народную свободу". Более того, если бы они, возможно, и освободились каким-нибудь другим путем от османской власти, то свобода, полученная таким образом, была бы неполной и "всегда подчиненной иностранным интересам". Из этого следовал недвусмысленный вывод, что совместная борьба балканских народов является первым условием их освобождения,

а вооруженная борьба - второй существенной предпосылкой.

Развивая далее свою основную мысль, С.Милетич ставит и третий вопрос: имеют ли эти народы "право на восстание и войну против Турции?" С формально-правовой точки зрения не существует никаких международных договоров, которые могли бы представлять препятствие в этом отношении. Но это и несущественно. Более важное значение имеет нечто другое, а именно: окажутся ли балканские народы достаточно зрелыми и найдут ли они в себе необходимую силу, чтобы на развалинах Османской империи создать свою собственную государственность. Если имеется и эта предпосылка, то никто не имеет права воспрепятствовать их стремлениям и их совместной борьбе.

И на этот столь ясно поставленный вопрос С.Милетич дал утвердительный ответ и в связи с этим высказался за идею, что после разрушения Османской империи конфедеративное или федеративное устройство Юго-Восточной Европы будет самым лучшим решением для ее народов, но не потому, что оно гарантирует интересы европейских великих держав в этой части мира, а потому, что такая государственная форма должна создать условия, необходимые для согласия и сотрудничества балканских народов. Ведь в противном случае, если между ними начнутся разногласия, раздоры и даже войны, отдельные великие державы воспользуются этим в своих собственных интересах, в результате чего "Фракийско-Балканский полуостров стал бы ареной непрестанной борьбы, непрерывных войн, и место прекраснейшего сада в Европе, каким он мог бы быть по своим природным условиям, запустеет или станет колониальной территорией для европейских заводов".

Этой работе, появившейся в 1863 году, непосредственно после восстания Букаловича в Герцеговине и черногорско-турецкой войны, под свежим впечатлением от этих событий, не свойственен абстрактно-академический тон сочинения Полита. Она исполнена желанием перейти от слов к делу, причем как можно скорее. Это видно и из следующего вопроса, поставленного в работе: когда наступит момент для вооружен-

ного восстания на Балканах? Тогда, когда Европа или по крайней мере соседние государства будут отвлечены другими событиями и тем самым окажутся лишенными возможности вмешаться в вооруженную борьбу балканских народов. Такие возможности, по мнению Милетича, открывались в 1848 году, в 1859 году и даже в 1862 году, но каждый раз они не были использованы. Так больше не должно случиться. Задача правительства Михаила - исправить ошибки прошлого и подготовить Сербию к очередной благоприятной возможности, которая, несомненно, появится. Ориентируясь на войну и массовое вооруженное восстание угнетенной раи и рассчитывая на него, Милетич считал, что для борьбы против Турции не потребуются какая-либо "особая подготовка", так как Турция это не Франция. "Пушка, ружье и боеприпасы - главное". Недостаток в военном снаряжении восполняет "сердце народа и самоотверженность страдающих братьев", а также сознание того, что всякая неоправданная оттяжка и откладывание войны и восстания будут иметь роковые последствия для судьбы сербского народа. Разве решения Берлинского конгресса не подтвердили справедливость этих слов?

Борясь за концепцию, согласно которой народы и уже существующие национальные государства Юго-Восточной Европы должны максимально освободиться от влияния и вмешательства европейских великих держав, Милетич, однако, считал, что интересы великих держав представляют объективный факт, с которым необходимо считаться, более того, они должны быть удовлетворены в той мере, которая не создает угрозу независимости балканских народов и государств. Сторонник освобождения балканских народов от опеки и вмешательства со стороны великих держав Светозар Милетич вместе с тем умел проводить различие между ними. В его стратегическом плане и в его практических политических выводах особое место получила Россия. В связи с этим необходимо остановиться на одном обстоятельстве.

В 1863 году, т.е. в том же году, когда Милетич писал свою работу "Восточный вопрос", он в отличие от Полит-

Десанчика, горячо выступал за победу польского восстания. Этот факт сам по себе убедительно свидетельствует о его политических взглядах. Имея в виду это обстоятельство, мы легко поймем, почему Милетич был принципиальным противником царизма как политической системы и почему он остро критиковал внешнюю политику царизма. Однако, несмотря на критическую позицию по отношению к политике царского правительства, будь то внутренней, или внешней, Милетич считал, что интересы России на Балканах существенно отличаются от интересов остальных европейских великих держав. Роль, которую по его мнению, должна была сыграть Россия в момент исторической битвы балканских народов с Турцией, заключалась в том, чтоб помешать чуждому вмешательству в освободительную борьбу на Балканах. При этом он в первую очередь имел в виду Габсбургскую монархию. Милетич исходил из того факта, что Россия была естественным союзником балканских народов в предстоящем столкновении с Турцией. Одновременно не менее решительно он критиковал внешнюю политику царского правительства. Он осуждал это правительство за то, что оно "боролось за принцип легитимизма, за старые порядки, за абсолютизм и аристократическую реакцию", вместо того, чтобы бороться "за принцип народности и народной свободы", т.е. за национальные и демократические права. При этом он выражал надежду, "что в России, и притом в скором времени, здоровая и естественная политика и по отношению к Польше и, что нас здесь интересует, по отношению к восточному вопросу одержит победу, так как иначе и Россия, несмотря на всю свою мощь, окажется в опасности". Его глубоко беспокоило незавидное положение, в котором оказалась Россия "в борьбе между двумя нынешними большими лагерями в Европе — монархическо-аристократическими государствами, с одной стороны, и демократическими народами, с другой — между европейской реакцией и революцией". По нашему мнению, критика Милетичем внешней политики царского правительства была весьма близка взглядам русских революционных демократов и вообще прогрессивно и демократически настроенной русской

общественности того времени.

Однако для нас особое, причем двойное значение, имеет критика Милетичем политики царского правительства, и не только ее, в период революции 1848—1849 гг. Об этом в своей работе "Восточный вопрос" он пишет следующее:

"В 1848 году, когда Россия могла не оглядываясь на пошатнувшийся, раздираемый взаимными разногласиями Запад, поднять христианские народы в Турции и выдворить турок из Европы, царь Николай предпочитал стоять с заряженным ружьем на страже самодержавного принципа в Европе и искать повода помочь не христианским народам на Востоке, а иноплеменникам".

Следовательно, Милетич осуждает царское правительство за поддержку, которую оно оказало Габсбургской монархии и династии, направив в 1849 году свои войска, чтобы разгромить венгерскую революционную армию. Тем самым он косвенно критикует и политику сербских клерикалов и консерваторов в революции, считая, что вместо междоусобной борьбы народов в Венгрии, следовало в 1848 — 1849 гг. использовать момент и поднять восстание против турок. Эту мысль можно найти и в одном письме черногорского князя и поэта Петра Петровича Негоша; еще более отчетливо она выражена у большинства сербских буржуазных демократов, да и у либералов, а тем более у революционных демократов и социалистов того времени. Впрочем, Народная партия именно на основе опыта, приобретенного в период 1848 — 1860 гг., и его критического переосмысления выработала свою политическую программу и сумела, будучи первой настоящей политической партией у сербов, объединить широкие массы сербского народа в Венгрии и завоевать симпатии за ее пределами, в других южнославянских землях и среди остальных югославянских народов.

Критикуя внешнюю политику царизма в период после 1848 года и выступая на ее новую ориентацию, Милетич в своей работе о восточном вопросе считает, что в интересах России и русского народа, чтобы христианские народы освободились от османского рабства и создали свою собственную государ-

ственность. От этого Россия имела бы двойную пользу. В лице освобожденных славянских народов Юго-Восточной Европы русский народ получил бы надежного союзника, в то время, как народы Западной Европы освободились бы от страха и сомнения, что за борьбой против османского господства кроются интересы царизма и русского самодержавия и поэтому, по мнению Милетича, свободное развитие и прогресс малых славянских народов Юго-Восточной Европы они считали бы гарантией своего собственного развития и существования.

Позиция Михаила Полит-Десанчича по отношению к России коренным образом отличалась от позиции Милетича. В соответствии с основной своей идеей о путях борьбы за национальное освобождение балканских народов при решающей роли и непосредственном участии европейских великих держав, русофильство Полита имело ярко выраженную консервативную и оппортунистическую окраску. На протяжении всей своей долгой политической жизни он был искренним сторонником именно русского царизма³³. Полит считал, что освобождение балканских народов от турецкого господства является делом прежде всего, царского правительства, затем правительства Сербии, тогда как мобилизации угнетенных и эксплуатируемых масс и их вооруженной борьбе против османского господства он придавал лишь косвенное, третьестепенное значение³⁴.

---

³³ См. Н.Петровић. Светозар Милетић, стр.83-105. Гораздо больше внимания уделено восточному вопросу в расширенном варианте нашей статьи, полемизирующей с К.Н.Милутиновичем и Н.Милутиновичем: "Светозар Милетић и Михаило Полит-Десанчич". В книге: Н.Петровић. Око Милетића и после њега, стр.176-191.

³⁴ Н.Петровић. Око Милетића и после њега, стр.176-192. Все цитаты, касающиеся восточного вопроса, взяты из одноименных сочинений М.Полит-Десанчича и С.Милетича. Отрывки из них можно найти в сборнике документов "Светозар Милетић и Народна странка", кн I. Сремски Карловци, 1968, стр.138-161, 197-208.

Поэтому совершенно понятно, почему на пятой, последней скупшине Объединенной сербской оmlадины в 1871 году, когда дело дошло до острого столкновения между группой Светозара Марковича, с одной стороны, и сербскими либералами, возглавляемыми Владимиром Йовановичем, с другой, Полит встал на сторону сербских либералов, которые к тому времени уже заключили союз с регентским режимом в Сербии, в то время, как группа Милетича, напротив, больше склонялась к Светозару Марковичу.

Разъяснению запутанных вопросов и устранению идеалистических наслоений в освещении проблем истории сербского народа второй половины XIX века автор настоящего доклада посвятил, как это явствует из вышеизложенного, значительную часть своих работ.

Для правильного понимания политической линии, которую поддерживало большинство венгерских сербов в 60-е и 70-е года XIX века, было однако, недостаточно критически оценить взгляды В. Стаича и разгромить несостоятельные тенденциозные тезисы К. Б. Милутиновича. Требовалось также подвергнуть острой критике взгляды Слободана Йовановича, его сторонников и эпигонов, особенно по отношению к Омладине. Тем более, что две выше упоминавшиеся книги Слободана Йовановича относились к совершенно конкретным вопросам практической политической деятельности в период, когда Сербская народная либеральная партия уже стала значительным политическим фактором.

Своими книгами "Второе правление Милоша и Михаила" и "Правление Милана Обреновича" С. Йованович открывает совершенно новую главу в сербской буржуазной исторической науке. Историческая литература, которая появилась раньше и имела в качестве предмета изучения внешнюю политику Сербии, создавалась, как правило, бывшими сербскими политическими деятелями и носила в значительной мере мемуарный характер. Авторы этих работ не были знакомы с архивными материалами, особенно иностранными. В отличие от них Слободан Йованович имел в своем распоряжении сообщения австрийских консулов

из Белграда, начиная с 1858 года, а также материалы сербских архивов. Однако, он не использовал материалы архивов других великих держав, да и не все фонды австрийских архивов³⁵. Это, конечно, сужает фактологическую источниковедческую базу работ Йовановича, но при всем при том они и в этом отношении открывают новый этап в сербской буржуазной историографии о XIX веке. Да и не только в этом!

Как пишет сам С. Йованович, целью его исследований была конституционная история и внутреннее развитие Сербии. Однако он значительно вышел за эти рамки и затронул также проблемы внешней политики. Объяснил он это следующим образом: "На протяжении всего XIX века наша внешняя и внутренняя политика были тесно связаны между собой и, возможно, их связь никогда не была такой тесной, как в период правления Михаила"³⁶. Эта констатация Йовановича, конечно, верна. Другого и не могло быть в эпоху, когда национальное освобождение и основание собственной национальной государственности являлось первейшей исторической задачей сербского народа, но когда за пределами сербского княжества жило больше сербов, чем в нем самом.

Разумеется, все сказанное нами, не означает, что Йованович решил поставленную перед собой задачу таким образом, что это решение может выдержать критику историков-марксистов. Отнюдь нет! Сначала посмотрим, как С. Йованович объяснял политику Михаила Обреновича, с которым Сербская народная либеральная партия вела упорную борьбу, можно сказать, с момента своего появления на исторической сцене и вступления Михаила на княжеский престол.

По С. Йовановичу, "Михаил пришел к власти с готовой программой... Он имел "свою идею..." Этой идеей была война с турками... Будучи гораздо более амбициозным, чем его

---

³⁵ См. об этом: С. Йованович. Друга влада Милоша и Михаила, стр. ХУІ-ХУШ,

³⁶ Там же, стр. ХУІ

отец, он намеревался поднять весь Балканский полуостров, осуществить окончательное освобождение балканских народов, создать одно большое государство, в котором Сербия играла бы главенствующую роль... Все остальное было подчинено этой задаче... как только Сербия будет готова, она не будет ждать и минуты... Если бы счастье изменило ей,... с Михаилом было бы покончено. В случае неуспеха последнюю пулю своего револьвера он сохранял для себя" 37.

Таким образом, полный твердой решимости осуществить "свои идеи", Михаил Обренович, по С.Иовановичу, также считал, что необходимо прекратить раздоры между партиями... сосредоточить всю власть в руках князя", и что во имя великой заветной идеи сербы должны "безропотно терпеть диктатуру князя". Эта "идея" Михаила была, по словам С.Иовановича, его "главной идеей" 38. Значит Михаил Обренович имел не только "свои идеи", которая относилась к освободительной борьбе против турок, но и "главную идею" в области внутренней политики. Эти две идеи были между собой тесно связаны; одна обуславливала другую.

Если освободительная идея Михаила действительно была столь радикальной и возвышенной, национально-революционной и даже рыцарской и романтической, как это изображает Слободан Иованович, тогда правомерно задать вопрос: из-за чего вообще возникло острое непримиримое столкновение между Михаилом, с одной стороны, и Народной партией и Омладиной, с другой? То, что на этот вопрос необходимо было дать ответ, понял и С.Иованович. Не желая оставить открытой Ахиллесову пятку во всей своей искусственной конструкции, он дает читателю следующее объяснение столкновения: "По основным вопросам между Омладиной и князем Михаилом не было расхождения... Идеи, которые были общими для нее и для Михаила, Омладина давала до крайности... и не могла действовать иначе: она должна была придать идеям Михаила лирический тон.

---

37 Там же, стр.145-146

38 Там же, стр.146.

Если отбросить это различие в тоне, то в самой программе Омладины не было ничего, что отделяло бы ее от Михаила... Ее и его деятельность могли развиваться параллельно ³⁹.

Утверждением, что официальная политика Сербии и борьба Омладины могли идти параллельно, но что вопреки тому, что такая возможность, якобы, существовала, все же вспыхнул острый конфликт оначала с Народной партией, а затем и с Омладиной, Слободан Йованович ослабил свою искусственную конструкцию вместо того, чтобы усилить и укрепить ее. Поэтому он прибегает к новому аргументу и находит его, верный своему субъективизму и идеализму, в следующем почти смешном объяснении: "Прояви Михаил чуть-чуть доброй воли и терпения, он мог бы остаться в хороших отношениях с Омладиной" ⁴⁰.

Следовательно, если бы Михаил Обренович "имел добрую волю и терпение", он простил бы сторонникам Омладины то, что "они не отделяли внутреннюю свободу от внешней" ⁴¹ и что, "как и все патристические общества, Омладина в своем национализме была неуступчивой" ⁴². Вот так, из-за строптивого нрава Михаила начался острейший политический конфликт, которого якобы можно было избежать.

Следовательно, столкновение сторон было вызвано двумя мотивами. Во-первых, тем, что Омладина связывала внутренние свободы с внешними, в то время как Михаил Обренович ликвидировал внутренние свободы ради внешних. Во-вторых, тем, что Омладина была "неуступчивой", а Михаил как князь должен был лавировать и приспособляться. Утверждение о том, что внутренние свободы в Сербии были ликвидированы в интересах освобождения балканских народов и что авторитарный режим Михаила был введен во имя этой великой исторической цели, а не по причинам внутренней политики

---

³⁹ Там же, стр.396 (Подчеркнуто нами - Н.П.)

⁴⁰ Там же, стр.398 (Подчеркнуто нами - Н.П.)

⁴¹ Там же, стр.396

и в интересах консервативных общественных политических сил, такое утверждение С.Иованович вообще не доказывает и не обосновывает, в то время как исторические факты, несомненно, опровергают его. Так, когда в 1866 году впервые создавалась благоприятная международная обстановка для активной политики на Балканах, Михаил заколебался, однако введение внутренних демократических свобод он так и не разрешил. Если обвинения Иовановича неверны в отношении Омладины, как целого, посмотрим, не верны ли доводы в отношении Народной партии и воеводинской части Омладины.

Пытаясь объяснить происхождение и корни бескомпромиссного требования Милетичем демократических свобод, С.Иованович утверждает, что Милетич, "обеспокоенный судьбой сербского национального меньшинства в Венгрии", всеми силами защищал "систему либеральных свобод", считая, что "интересы сербского народа... тесно связаны с интересами либерализма в Венгрии"⁴³. Иными словами, Народная партия была сторонницей демократических свобод вследствие специфического положения сербов в Венгрии, а не потому, что демократизацию политической жизни в Сербии рассматривала как одну из существенных предпосылок успешной национально-освободительной борьбы против феодализма на Балканах. Верно ли такое утверждение и соответствует ли оно историческим фактам?

Как уже говорилось в настоящем докладе, Милетич желал победы новых отношений в обществе, в самом широком смысле, в такой же мере, как и получения национальных прав сербским народом в Венгрии. Он защищал "систему либеральных свобод" не только исключительно ради национального равноправия, но и потому, что был убежден, что это является наиболее благоприятным путем для буржуазного преобразования общества и ликвидации остатков феодализма.

Но этим еще не все сказано. Неточность, которую позволяет себе С.Иованович гораздо грубее. Она имеет и материальный, фактический характер. Ибо о "либеральных свободах" в Венгрии можно говорить только с 1867 года, после

---

⁴³ Там же, стр.397

заключения австро-венгерского соглашения и создания венгерского правительства. К моменту убийства Михаила Обреновича в 1868 году, двуединая монархия юридически существовала лишь чуть больше года, а новая система все еще находилась в стадии формирования. Конфликт же между Народной партией и режимом Михаила начался еще до этого. Еще в 1866 году, следовательно, до соглашения, он обострился не по вопросу демократических свобод и либерализации положения в Сербии или Венгрии, а в связи с началом австро-прусской войны и из-за нее, поскольку и воеводинские народняки и сербские либералы считали, что благоприятная возможность не может быть пропущена и что необходимо немедленно приступить к решению восточного вопроса. При этом не трудно было доказать, что Народная партия была готова сделать белградскому правительству уступки в вопросах внутренней политики, но ни о каких уступках нельзя говорить, когда речь шла о борьбе против турецкого господства на Балканах или когда Михаил, а позднее Регентский совет, проявляли готовность к компромиссу с Австро-Венгрией.

Два внешнеполитических шага Михаила Обреновича вызвали резкое негодование прогрессивной сербской общественности в Венгрии, оба они относились к последнему году его правления и для каждого из них С.Иванович нашел оправдание. Если Омладина была и должна была быть неуступчивой, считает он, и "требовала осуществления всей национальной программы, причем сразу, ... то правительство Михаила, как всякое правительство, должно было действовать постепенно и довольствоваться частичными успехами, полученными ценой известных уступок" ⁴⁴. При этом он имел в виду как возвращение Сербии крепостей, которые до той поры были в руках турок, так и встречу Михаила Обреновича с только что назначенным венгерским председателем правительства Андраши в 1867 году, так как оба эти события в равной мере вызвали острые политические столкновения среди современников и послужили поводом для полемики и разногласий среди историков.

---

⁴⁴ Там же, стр.397-398; см. также N.Petrović. Filozofija istorije...

Что касается пяти крепостей в Сербии, в которых еще оставались турецкие гарнизоны, проблема, которая весьма важна для понимания нашей позиции в споре с С. Йовановичем, то события развивались следующим образом⁴⁵. Австрия, потерпевшая поражение в войне с Пруссией, в 1866 году неожиданно дала распоряжение своему посланнику в Стамбуле поставить вопрос об эвакуации турецких гарнизонов из сербских крепостей. Действительные мотивы неожиданной предупредительности венского кабинета было нетрудно разгадать. Новый австрийский министр иностранных дел Бейст не без основания опасался, что поражение в войне и внутренний кризис в Австрии, вызванный этим поражением, могут побудить воинственные элементы в Сербии и недовольные, порабощенную райю в турецких владениях на Балканах начать вооруженную борьбу широких размеров. Австрийское правительство опасалось, что это могло бы привести к волнениям и в Габсбургской монархии, в ее югославянских провинциях. Положение на Балканах вызывало озабоченность и потому, что на острове Крит все еще продолжалось восстание, которое Порта никак не могла подавить.

Не только в демократических кругах Сербии, но и в ее правящих верхах, вопрос войны или мира вызывал живые дискуссии и политическую борьбу еще накануне австро-прусской войны. Требовалось принять ответственное решение о том, какую позицию занять и следует ли приступить к решению восточного вопроса. Можно согласиться с С. Йовановичем в том, что Михаил Обренович, как и многие другие политические деятели в Европе, был убежден в победе Австрии и поэтому был против постановки восточного вопроса и тем более отвергал возможность сотрудничества с Пруссией и Италией

---

⁴⁵ Н. Петровић. Аустро-унгарска нагодба, градови и источ-но питање. в сб.: "Ослобођење градова у Србији од Турака 1862-1867", стр. 263-279; его же. Der österreichisch-ungarische Ausgleich und die Orientalische Frage. В сб. "Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867". Bratislava, 1971, стр. 195-215.

против Австрии. Но не может быть принято его утверждение, что "было поздно" что-либо сделать, когда Михаил убедился в том, что ошибочно оценил обстановку ⁴⁶. Стремясь любой ценой оправдать политику Михаила и убедить читателя в том, что она была единственно возможной и реальной, а выступление Народной партии и сербских либералов против этой политики, напротив, было авантюристическим и лишенным всякой разумной основы, — С.Иованович просто заявляет, что после Пражского мира было уже поздно начинать акцию большого масштаба и поэтому-де было мудро удовлетвориться приобретением крепостей, а схватку с Османской империей отложить на более поздний период.

Но дело в том, что так не думали ни глава правительства Михаила — Илия Гарашанин, политический деятель консервативной ориентации, ни тем более буржуазно-демократическая левая группировка в сербской политической жизни на территории к северу от Дуная и Савы. Об этом свидетельствуют и архивные материалы из советских архивохранилищ, которые мы использовали в полемике с позднейшими защитниками политики Михаила. Назовем некоторые из них.

В октябре 1866 года глава сербского правительства И.Гарашанин посетил русского генерального консула в Белграде Шипкина и передал письмо русскому послу в Вене Штакельбергу, в котором просил согласия России на то, чтобы "силой решить большую проблему, а именно восточный вопрос". Штакельберг высказался против намерения Гарашанина, а Горчаков с ним согласился ⁴⁷. Мы здесь не будем заниматься более глубокой реконструкцией и анализом этой сложной дипломатической игры, которая в конце концов завершилась тем, что Сербии в начале 1867 года были возвращены крепости, что в марте этого же года Михаил совершил поездку в Константи-

---

⁴⁶С.Иованович. Друга влада..., стр.393

⁴⁷ АВПР. Канцелярия, 1866: д.219, лл.303-326. Штакельберг-Горчакову. См: также: "Der österreichisch-ungarische Ausgleich...", str.197-198.

нополь, чтобы выразить благодарность султану, и в тот момент, когда Габсбургская монархия переживала острый внутренний кризис, была пропущена возможность открыть и с помощью оружия, может быть, и решить восточный вопрос. Вокруг этих двух противоположных точек зрения группировались политические силы в 1866-1867 гг. и из-за этого возник конфликт между Михаилом Обреновичем, с одной стороны, и сербскими и воеводинскими либералами и буржуазными демократами, с другой.

Если австро-прусская война была встречена среди венгерских сербов и остальных югославянских народов империи с большим волнением, а поражение Австрии с еще большими надеждами, то согласие правительства Михаила принять крепости в качестве награды за сохраненный мир на Балканах вызвало огромное негодование среди демократической общественности, особенно "Заставы" — политической газеты, которую в начале 1866 года основал в Будапеште вождь Народной партии С. Милетич. Орган Народной партии считал, что Австрия и Турция дали Михаилу взятку, лишь бы он не поднял восточный вопрос. А сама по себе неожиданно крупная взятка опять-таки свидетельствует об их страхе в связи с возможными действиями Михаила, так как если бы они не опасались этого, то не одарили бы его столь щедро. Вместо проведения большой балканской политики Михаил удовлетворился уступками, от которых в первую очередь выиграет Сербия, — энергично заявляла сербская буржуазная левая группировка, и прежде всего — "Застава". Добавим, что эту робкую, оппортунистическую политику Михаила резко осуждала и хорватская Народная партия.

Для нашей темы особое значение имеет еще одно обстоятельство. В редакцию новой газеты "Застава" в качестве заместителя Милетича входил с самого ее основания Владимир Йованович, либерал из Сербии, который играл весьма заметную роль на Святоандреевской скупщине в 1858 году. Затем он в 1864 году эмигрировал и начал издавать газету "Свобода" в качестве органа оппозиционных сил — противников режима Михаила. В 1865 году Владимир Йованович начинает издавать новую оппозиционную газету — "Сербская свобода", а

накануне австро-прусской войны приезжает в Будапешт и входит в состав редакции "Заставы". Тем самым новая политическая газета сербов в Венгрии становится органом как оппозиционных политических течений и групп в Сербии, так и сербской Народной партии в Венгрии. Этот факт сам по себе в достаточной мере показывает, что в период 1860-1866 гг. Народная партия выросла в значительную политическую силу и стала центром мощного, нового, прогрессивного политического движения, а "Застава" - не только органом воеводинских народняков, но и сербских либералов. Влияние этой партии вышло и за пределы Венгрии. После 1866 года значение Народной партии еще больше усилится и возрастет. Важным моментом в этом отношении является создание в Нови Саде Омладины в августе 1866 года.

Если с выходом "Заставы" демократические и прогрессивные силы получили печатный орган, который будет решительно защищать и отстаивать активную, энергичную внешнюю политику и остро критиковать колебания и малодушие Михаила, то с основанием Омладины они получают и политическую организацию, вдохновленную такими же стремлениями и имеющую сторонников и свои филиалы далеко за пределами теперешней Воеводины и прежней Венгрии. Инициатива создания Омладины принадлежит двум редакторам "Заставы" - В. Йовановичу и С. Милетичу. Впрочем это и не столь важно. Омладина, конечно, возникла не случайно. Она родилась в тот момент, когда восточный вопрос снова властно постучался в двери европейской истории. До тех пор пока балканский вопрос будет находиться в центре внимания европейской дипломатии и политики, т.е. до Берлинского конгресса - и Омладина неизменно будет присутствовать на европейской политической арене, несмотря на то, что в 1871 году она перестала существовать как легальная организация.

Политическая буря, разразившаяся не только в сербской, но и во всей югославянской политической жизни в связи с переходом крепостей под фактическую власть Сербии, еще по-настоящему не стихла, как общественности стала извест-

на еще одна немаловажная новость, в меньшей степени возбудившая и взволновавшая и без того наэлектризованное общественное мнение.

После встречи Наполеона III и Франца Иосифа в Зальцбурге в августе 1867 г., на которой присутствовал и новый премьер венгерского правительства Андраши, последний отправился на встречу с князем Михаилом Обреновичем в местечко Иванка, в Южной Словакии, где у князя Сербии имелась поместье и дача. Стали распространяться слухи о обложении Сербии с Австро-Венгрией и о том, что Андраши предложил Михаилу содействие австро-венгерской дипломатии на передаче Портой Сербии управления Боснией. Испытывая горькое разочарование в связи с методами, с помощью которых Сербия получила крепости, Народная партия во встрече Михаила с премьером венгерского правительства и в слухах о том, что Михаил при посредстве венгерской дипломатии должен получить Боснию, видела новый признак того, что Михаил окончательно отказывается от всякого намерения, чтобы Сербия участвовала в крупном военном столкновении с Османской империей. Цена, которую Сербия должна была заплатить за Боснию, была чересчур велика. Прежде всего, Сербия вошла бы в сферу влияния Австро-Венгрии со всеми вытекающими отсюда последствиями, преимущественно касательно будущих отношений с Россией. За этим автоматически последовал бы отказ от всяких планов свержения власти Османской империи на Балканах. Сербия также была бы вынуждена радикально пересмотреть все свои прежние связи и отношения с сербами и остальными югославянскими народами в Венгрии.

Но эти перспективы имели лишь второстепенное значение. Глядя реально, можно ли было вообще рассчитывать, что австрийская дипломатия, которая в годы, последовавшие за ogłosением, все еще держала в своих руках все нити внешней политики империи, согласится на предложение Андраши? А если бы и согласилась, будет ли у нее достаточно сил, влияния и поддержки со стороны остальных великих держав, чтобы склонить Порту к столь тяжелой жертве? В любом слу-

чае перспективы предложения Андраши были очень неясными и неизвестными, но уступка, которая требовалась от сербского правительства, была конкретной и связанной как с текущим политическим моментом, так и с дальнейшей перспективой освободительной борьбы угнетенных народов Юго-Восточной Европы, в том числе для сербов в Венгрии. От Сербии, поскольку она упустила возможность в 1866 г., требовали, таким образом, чтобы она вообще отказалась от активной, динамичной, прогрессивной политики на Балканах и направила по новому руслу не только свою политику, но и борьбу остальных балканских народов, в том числе и югославянских подданных габсбургской монархии. За обещание с совершенно неясными перспективами требовалось совершить поворот буквально на сто восемьдесят градусов! Разумеется, сербская Народная либеральная партия, имея за собой огромное большинство венгерских сербов за исключением консервативно-клерикальной сербской реакции, поддержала жестокую борьбу, начатую сербской демократической печатью против нового курса Михаила. Сербские либералы и сторонники Омладины в Сербии, а также вне ее, заняли такую же позицию.

В ноябре 1867 г. под влиянием соглашения с Андраши Михаил сместил своего председателя правительства Илью Гарашанина, консервативного, ориентированного на Россию политического деятеля, сторонника более активной политики на Балканах. Это вызвало новое резкое возмущение в омладинских кругах. Смещение председателя правительства Гарашанина подтвердило слухи и догадки о новой внешнеполитической ориентации Сербии с опорой на двуединую монархию. Считалось, что Сербия была на пути к превращению в вассала Дунайской монархии. Сербская либеральная народная партия, Омладина и влиятельная "Заостава", критически настроенные по отношению к политике царского правительства, решительно осудили отказ от сотрудничества и тесных связей с Россией и ориентацию политики Сербии на Австро-Венгрию. Таким образом, в то время как отношение прогрессивных сил сербского общества к политике царского правительства бы-

то критическим, к габсбургской монархии и ее влиянию на Балканах оно было не только отрицательным, но и глубоко враждебным. Именно в событиях после 1866 г. эта твердая ориентация демократических и прогрессивных сил сербов в Венгрии получила ясное выражение⁴⁸.

Вскоре после посещения Иванки и смещения Гарашанина Михаил Обренович в мае 1868 г. был убит. Он унес с собой в могилу тайну своих доверительных бесед с Андриашем. Среди современников и сотрудников Михаила широко и долго публично обсуждались переговоры и соглашение в Иванке. В заключение Слободан Йованович резюмировал все, что было известно об этом и прибавил свои выводы и оценки⁴⁹. Сам этот факт, значение этого вопроса, а также те обстоятельства, что элитоны Слободана Йовановича с тех пор последовательно повторяли его положения даже тогда, когда у них под рукой был новый, полный свежих фактов архивный материал⁵⁰, — все это потребовало, чтобы и эта проблема была обсуждена и вновь научно освещена, исходя из свежего, ранее неизвестного архивного материала⁵¹.

⁴⁸ Н. Петровић. О покушају устанка Уједињене омладине српске 1871—1872. "Летопис Матице Српске", кн. 398, св. 5. Нови Сад, 1966; его же. Историјско место, улога и значај Уједињене омладине српске. "Политика", Београд, 17 децембра 1967; его же. Историјско место, улога и значај Уједињене омладине српске. "Уједињена омладина српска". Зборник радова. Нови Сад, 1969, стр. 9—33.

⁴⁹ С. Јовановић. Друга влада..., Прилози, стр. 471—481.

⁵⁰ Г. Јакшић, В. Вучковић. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Београд, 1963, стр. 576.

⁵¹ Н. Петровић. Светозар Милетић и Народна странка. Грађа 1860—1885, кн. I. Сремски Карловци, 1968, док. 196, стр. 454—459; док. 206, стр. 476; док. 254, стр. 569—571; док.

/ см. стр. 47/

Срада многочисленных свежих источников, которые бросают новый свет на спорные проблемы в связи с балканским вопросом и дают исследователю надежную опору, основное значение имеет новооткрытая многолетняя переписка между председателем венгерского правительства Юлием Андраши и Вилемом Каллаи, назначенным австро-венгерским генеральным консулом в Белграде в январе 1868 г.⁵² Молодой венгерский аристократ был послан в Белград по требованию Андраши, чтобы в качестве австро-венгерского дипломата, помимо официальной политики своего шефа Бейста, осторожно попытаться провести в жизнь замыслы Андраши в отношении Сербии. Каллаи вел переписку с обоими влиятельными государственными деятелями монархии. Его доверительная переписка с Андраши, найденная недавно, открывает перед нами целый ряд моментов, отсутствовавших в отчетах, которые Каллаи посылал в Вену.

Достаточно будет, если мы подчеркнем здесь только несколько фактов о встрече в Иванка, имеющих существенное значение⁵³. Андраши познакомил Михаила со своим планом, чтобы австро-венгерская дипломатия предприняла действия, направленные на уступку Боснии и Герцеговины Сербии мирным дипломатическим путем. Уже до совещания в Иванке Андраши зондировал в Вене почву у министра иностранных дел Бейста и самого Франца-Иосифа и был уверен, что ему в итоге

/со стр.46/

256, стр. 571-575; док. 258, стр. 578-581; кн. II, док. 337: стр. 143-153. Объявление, согласно которому в вопросе передачи Боснии и Герцеговины мирным путем Сербия имело место "коварное распределение ролей" между Бейстом и Андраши, следует отвергнуть как не соответствующее действительности. См. Г. Јакшић, В. Вучковић. Указ. соч., стр. 463-464.

⁵² См. примеч. 51

⁵³ См. примеч. 45

удастся преодолеть немалое сопротивление, особенно со стороны влиятельных австрийских дипломатов и их нового руководителя. Михаил согласился с планом Андраши, и сегодня более чем ясно, — раньше это был спорный вопрос — что он сместил Гарашанина именно из-за того, что тот был помехой новому курсу. Однако являя Андраши не была связана исключительно с личностью Михаила, ибо после его гибели Андраши продолжил усилия с целью осуществить свое намерение.

Михаил, разумеется, понял, что ценой за то, что он получит в управление Боснию и Герцеговину из рук Австро-Венгрии, должна быть переориентация внешней политики Сербии. Личные письма Андраши опять-таки ясно показывают, что новый внешнеполитический курс Сербии он считал только первым шагом, так как цель, к которой он стремился, состояла в том, чтобы Сербия стала государством, зависимым от Австро-Венгрии, со статусом, подобным положению Баварии по отношению к Берлину, более того — чтобы австро-венгерский монарх в будущем назначал сербских князей так же, как он назначает великих купанов в Венгрии...

Следующий пункт соглашения между Михаилом и Андраши, как следует из переписки, касался сербов Венгрии, точнее — Сербской Народной партии и Омладины. В своем письме Андраши утверждает, что он и Михаил согласились в интересах сотрудничества Венгрии и Сербии "партию профессиональных бунтовщиков из Нови Сада" совместными силами утопить в пограничной реке Дунай!

Для темы, которая является предметом нашей диссертации, это представляет собой вопрос, имеющий особое значение. Грубая формулировка Андраши ясно показывает, что и Андраши, и Михаил считали Народную партию и Омладину серьезным препятствием на пути осуществления нового курса в политике Сербии и что они договорились убрать эту помеху, не разбираясь в средствах. Напомним здесь, что через год после прибытия нового австро-венгерского генерального консула Каллаи в Белград, в январе 1869 г., в городе Бечкерек состоялась имевшая большое значение конференция

Народной партии и была принята ее Бечкерекская программа, где в пункте VI ясно формулируется внешнеполитическая программа партии⁵⁴. Впервые в политической истории сербов в Венгрии была занята не только ясная и решительная программная позиция в отношении внешней политики, но и к тому же — позиция, противоположная официальной политике правительства. Все более ясно очерчивались две тенденции в крупных стратегических вопросах национально-освободительной борьбы сербского и остальных угнетенных народов Юго-Восточной Европы.

Полноты ради, мы вынуждены еще раз вернуться к положениям, выдвинутым Слободаном Йовановичем, как к типичным для консервативного крыла сербской буржуазной исторической науки, особенно к его попытке каким-то образом согласовать в приложении к своей книге о втором правлении Михаила свой первоначальный тезис о "великой идее" Михаила Обреновича с отказом от этой политики и ее крахом в 1866-1868 гг. Вынужденный признать, что Михаил сознательно осуществил "изменение общего направления нашей внешней политики с русофильского на австрофильское", и добавляя, что эта, принадлежавшая Михаилу и Андраши "боснийская комбинация относилась к тем великим планам, которые не могут начать осуществляться сразу, как только возникнут"⁵⁵, С. Йованович пришел к противоречивому и к тому же нелогичному, абсурдному утверждению, будто у Михаила в сущности было два "великих плана" — первый был "воинственный, югославянский, русофильский", второй — "ни воинственный, ни югославянский, ни русофильский", а "чисто сербский", с ограниченной целью территориального расширения Сербии⁵⁶. Не вдаваясь в дальнейший анализ попыток немалого числа апологетов внешней политики Михаила оправдать ее любой ценой, закончим констатацией, что историческая практика в период с 1860 по 1918 г. недвусмысленно подтвердила, что эти две так называемые "великие политики" взаимно исключали друг

54 "Застава", 1869, № 3 и 4 от 17 и 20 января.

55 С. Йованович. Друга влада..., стр. 479.

56 Там же, стр. 479

друга, были противоположны одна другой и что только последовательная борьба как против Османской империи, так и против Австро-Венгерской монархии вела к национальному освобождению и объединению югославянских народов. А практика для марксистов, да и для любой подлинной науки, всегда является последним и единственным критерием истины!

В связи с внешней политикой Сербии во время правления Михаила Обреновича имеется еще один важный вопрос, требовавший уточнений. С. Юванович многократно повторял, что внешняя политика Илии Гарашанина была "воинственной" и что это была одновременно и политика царского правительства. Однако документы первоисточенного значения, найденные в Архиве внешней политики России, особенно донесения царского посланника в Вене Штакельберга и его преемника Орлова, а также заметки Горчакова, сделанные на полях этих донесений, недвусмысленно показывают, что царское правительство, начиная с 1866 г. и далее, советовало соблюдать осторожность и было против перехода к активному решению восточного вопроса несиловыми средствами. Юванович и его школа по меньшей мере весьма упрощают проблему внешней политики петербургского кабинета⁵⁷.

После гибели Михаила Обреновича, во время регентского режима, внешняя политика Сербии полностью ориентируется на Австро-Венгрию. Но это одновременно и период дальнейшего подъема Сербской народной партии и Объединенной сербской оmlадины и внутренних раздоров и борьбы в обеих этих организациях. Вплоть до начала великого восточного кризиса 1875 г. обе эти организации будут находиться в остром конфликте с официальной политикой Белграда, в первую очередь и прежде всего опять-таки из-за внешнеполитической ориентации режима регентов, а затем Милана в Сербии.

Чтобы до конца понять ориентацию сербов в Венгрии по

⁵⁷ См. Н. Петровић . Аустро-угорска нагодба, градови..., стр. 265-272; С. Ювановић . Друга влада..., стр. 478.

отношению к балканскому вопросу, нужно было определить историческое место, роль и значение Омладины как организации, возникшей в Венгрии, но с полем деятельности, простиравшимся на все южно-славянские земли, и при этом — организации, которая, согласно не известным до недавнего времени архивным материалам, причиняла серьезные заботы и беспокойство кабинетам великих европейских держав. Разумеется, удовлетворительную оценку Омладины была не в состоянии дать буржуазная историография, даже те историки, которые относились к Омладине с симпатиями, не говоря уже о ее критиках.

Даже прогрессивный сербский буржуазный историк культуры и литературы Йован Скарлич, вообще с большой симпатией писавший об Омладине как о политическом и культурно-литературном движении, считал ее стратегические и тактические концепции о путях национального освобождения балканских народов результатом романтического националистического воодушевления. Сторонники Омладины, — писал он, — "как дети, протягивали руки, чтобы схватить луну"⁵⁸, не понимая, насколько реальность "печально сурова", далека от их юношеских снов и энтузиазма. Таким образом, еще у Скарлича шла речь о двух, стоящих друг против друга, концепциях: одной — "реалистической", считавшейся с действительными возможностями и условиями борьбы, другой — "романтической", не считавшейся с фактами и господствующими, существующими условиями и отношениями.

Если Скарлич лишь совсем вскользь коснулся вопроса внешнеполитической ориентации Омладины, то Слободан Йованович, ожесточенный противник Светозара Марковича и беспощадный критик прогрессивных сил и устремлений в Омладине, посвятил этой проблеме целых семьдесят страниц⁵⁹. Все силу своего ума и свой несомненный писательский дар Йовано-

⁵⁸ Йован Скарлич. Омладина и њена књижевност. Београд, 1926, стр. 234.

⁵⁹ С. Јовановић. Друга влада..., стр. 336—403.

вич употребил на то, чтобы доказать и показать, что-де на самом деле речь шла о столкновении "реалистической" политики ответственного правительства с романтиками и мечтателями, да к тому же еще "недоучившимися студентами", приверженцами некоего "безответственного" "патриотического общества". Этот тезис стал господствующим в сербской буржуазной историографии и, что не менее важно, у него еще и сегодня есть сторонники среди историков⁶⁰.

С этой оценкой марксистская историческая наука также не могла согласиться. Прежде всего потому, что исторические явления отличаются друг от друга по своему общественно-политическому содержанию, а не потому, "реалистические" ли они или нет. Конечно, при оценке событий историк должен иметь в виду и этот момент, но очевидно, что "реалистом" может быть как консерватор, так и прогрессивный или революционно настроенный политический деятель, и наоборот — авантюризм может быть присущ и тому, и другому политическому направлению. Во всяком случае, непозволительно и ненаучно путать и смешивать "реализм" в политике с оппортунизмом, а авантюризм и романтизмом провозглашать каждую политическую концепцию, стремившуюся в период, о котором идет здесь речь, к решению восточного и балканского вопросов путем энергичного, активного политического воздействия при максимальном использовании революционного потенциала в трудных владениях на Балканах, направленного на то, чтобы крестьянские массы, угнетенные в национальном и социальном отношениях, поднялись на вооруженное восстание и превратились в субъект и важнейший фактор в решении своей собственной судьбы и соотношения сил при решении балканского вопроса благодаря этому максимально сдвинулось в направлении, обеспечивающем более прогрессивное решение глубокого политического кризиса, созревшего в этой части

---

⁶⁰ См. выступления Ч. Попова, В. Войводича, Н. Петровича на научной сессии, посвященной Объединенной сербской омладине в сб. "Уједињена омладина српска", стр. 582-587.

Европы. Другими словами, — решение, которое как можно больше будет отвечать интересам самих балканских народов и как можно меньше — интересам европейских великих держав, чьи противоречившие друг другу стремления перекрещивались на Балканах.

Позиции и оценки буржуазных историков были неприемлемы для марксистов еще по одной причине. Они исходили из того, что нация является однородным целым, неким единым сообществом, и пренебрегали тем фактом, что в сербском обществе начала второй половины XIX века существовали, и притом достигнув довольно высокой степени дифференциации, противоположные, находившиеся в противоречии друг с другом общественные категории и силы, что не неизбежно привело и к появлению двух противоположных внешнеполитических тенденций: одной — радикальной и прогрессивной, другой — оппортунистической и консервативной. Невозможно было согласиться с заключением, что внутренняя политика сербских правительств во время Михаила и после его смерти, правда, была консервативной, но что зато внешняя политика была "реалистической" и даже, более того, что она была единственно возможной в данных условиях и при данном соотношении сил на международной арене и, наконец, что Михаил Обренович прибегал к авторитарной, недемократической внутренней политике из-за намерения направить внешнюю политику Сербии в новом, "революционном" направлении и поднять все народы Балканского полуострова на "священную войну" против османов.

По вполне понятным причинам конфликт между двумя тенденциями во внешней политике сербского народа разгорелся с особой остротой в тот момент, когда Центральная, Юго-Восточная, да и другие части Европы, были захвачены кризисами и войнами. Как уже говорилось выше, такая ситуация возникла в 1866 г., во время австро-прусской войны, а затем в 1870-1871 гг., во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны. Особого внимания и тщательной оценки заслуживает деятельность Омладины во время франко-прусской войны и после нее.

До битвы при Седане "Застава" была на стороне Пруссии и против политики Наполеона III. Парижская Коммуна получила широкий отклик в рядах сербской общественности и углубила дифференциацию в сербской политической жизни. Под ее влиянием появилась первая социалистическая газета на Балканах — "Раденик", которую основал и которую редактировал Светозар Маркович. Вскоре, в 1871 г., в газете "Цанчевац", стоявшей на крайнем левом фланге Народной партии, был, с продолжениями, напечатан "Коммунистический манифест", что было его шестым переводом во всем мире. В серии статей "Застава" высказала свое отношение к Коммуне. Вначале критическая и неопределенная, позиция "Заставы" в конце концов переросла в теплые симпатии к борьбе парижского пролетариата, однако без понимания исторических целей, к которым стремилась Коммуна. Отвергая коммунистический идеал парижских революционеров, "Застава", самая влиятельная сербская газета того времени, горячо поддерживала борьбу коммунаров против версальской реакции, что было полностью в духе присущей ей и ранее оппозиции по отношению к внешней политике Наполеона III. В отличие от "Заставы", орган правых либералов в Воеводине — газета "Народ", которую редактировал Йован Суботич в сотрудничестве с Михаилом Полит-Десанчичем, с самого начала и вплоть до периода после падения Коммуны резко нападала и клеветала на борьбу парижского пролетариата⁶¹.

Для темы нашего исследования гораздо большее значение имеет, однако, то, что под влиянием кризиса, порожденного франко-прусской войной, а затем Парижской Коммуной, в рядах левого крыла Омладина появилось план поднять восстание на Балканах. Этому вопросу традиционная сербская историческая школа вообще не уделяла должного внимания. Благодаря югославским историкам-марксистам, фактическая сторона этого вопроса, при плодотворном сотрудничестве советских историков, в большой мере реконструирована, хотя среди югославских историков нет еще согласованных оценок этого

⁶¹ См. примеч. 31.

важного события⁶².

Считая, что с началом войны между Францией и Пруссией, и особенно после поражения Наполеона III, союзника Австро-Венгрии, положение габсбургской монархии значительно ослабло по сравнению с Россией, социалистическое крыло Омладины, возглавлявшееся Светозаром Марковичем, вместе с ее национально-революционными и буржуазно-демократическими сторонниками приняло решение срочно предпринять практические организационные меры, чтобы поднять восстание в балканских владениях Турции, прежде всего в Герцеговине и Боснии. Из сохранившегося и найденного в Москве меморандума⁶³, который брат Светозара Марковича Бфрем передал регентам в Белграде от имени Омладины, ясно виден ее план. При молчаливой поддержке сербского правительства и при участии молодых сербских офицеров нужно было перебросить из Сербии в Боснию и Герцеговину вооруженные четы и взбунтовать райы. Если бы восстание начало успешно развиваться, в войну должны были бы вступить и Сербия и другие балканские государства. Если бы оно не удалось, ответственность взяла бы на себя Омладина. Задача России заключалась бы в том, чтобы держать под постоянной угрозой габ-

⁶² О попытках Омладины поднять восстание см. В. Војводић. Уједињена омладина српска и припремање устанка на Балкану. В сб. "Уједињена омладина српска", Нови Сад, 1968, стр. 305-315; В. Г. Карасев. К вопросу об участии русских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х гг. XIX в. "Ученые записки Института славяноведения", вып. 30, Москва, 1966; В. Н. Кондратьева. Новые архивные материалы по истории Объединенной омладины сербской. УЗИС, вып. 20, Москва, 1960; Писма Јована Ристића Филипу Христићу, Београд, 1931, стр. 84, 85.

⁶³ Меморандум обнаружен В. Н. Кондратьевой.

обургокую монархию и воспрепятствовать ее вооруженному вмешательству в пользу Турции.

Охваченные настоящей паникой, регенты потребовали срочного вмешательства царского правительства, особенно в отношении черногорского князя Никола, который выразил готовность поддержать этот замысел. Испытывая сильное давление и сербского, и царского правительства, Омладина была вынуждена отказаться от своего плана, тем более потому, что и черногорский князь Никола вынужден был отказаться ей в помощи.

Конечно, совершенно точной является констатация, что у Омладины не было сил навязать свой план и поднять восстание вопреки противодействию сербского и царского правительства. Естественно, задача исторической науки не состоит и не может состоять в том, чтобы строить догадки, каким бы был результат восстания, поднятого в 1871 или 1872 году. Но абсолютно точно известно, что отношения на международной арене и соотношение сил были более благоприятными в 1871-1872 гг., чем в 1875 г., когда восстание все-таки разгорелось. Об этом и нет споров между историками, так как факты слишком ясны и недвусмысленны. Любому историку ясно также, что консервативные общественные силы были против восстания, в то время как революционные и прогрессивные силы сербского общества были за то, чтобы начать вооруженную борьбу за решение балканского вопроса. Силы, объединившиеся вокруг Омладины, хотя и не были достаточно мощными, чтобы осуществить свой замысел, вызвали своим предложением, как видно из документов, настоящее смещение и панику, что само по себе свидетельствует о том, что и сербское, и царское правительство считали, что попытка Омладины может встретить положительный отклик у угнетенной балканской раиы. Если бы они были убеждены в противоположном, у противников замысла поднять восстание не было бы причин для столь явной паники, смещения, страха и беспокойства. Другими словами, это значит, что силы, враждебно настроенные по отношению к плану поднять восстание,

на Балканах восстания по той простой причине, что они точно рассчитали, что массовое восстание на Балканах, возглавленное прогрессивными силами общества, имело бы следствием глубокие перемены общественного и политического характера, чего ни консервативные сербское, ни консервативное царское правительства не желали и не могли желать. Совершенно понятно также, что оба правительства хотели на случай вооруженной развязки балканского кризиса сосредоточить все нити в своих руках, чтобы развязка кризиса осуществлялась под их гегемонией, а не под руководством прогрессивных сил на Балканах. Царское правительство к тому же знало, что именно успешное восстание на Балканах может его втянуть в осложнения и поставить в такое положение, когда оно и само должно будет вмешаться в события, в частности, и под давлением определенных кругов в самой России⁶⁴.

О том, что и царское правительство отлично поняло перспективы восстания, возглавленного Омладиной, красноречиво свидетельствует одно донесение более позднего происхождения, написанное царским посланником в Вене Новиковым Горчакову в 1876 г., где весьма тонко подмечена совершенно реальная опасность того, что боснийско-герцеговинское восстание, поднятое крестьянскими массами, вдохновленными "православной верой и христианскими идеями", попадет под влияние демократических политических течений, воодушевленных "западническими идеями" переворотов, что никак не может быть в интересах царского правительства⁶⁵.

История восточного вопроса и возникновения великого восточного кризиса 1875-1878 гг. показывает, что внутрен-

⁶⁴ В бумагах Нила Попова в Ленинской библиотеке в Москве находится шифрованное письмо Перы Матановича, активно участвовавшего в подготовке восстания, из которого ясно видно, что русский историк и общественный деятель, славянофил был осведомлен о подготовке и был с нею согласен

⁶⁵ АВНР, Канцелярия, 1876, д. 127.

ние противоречия в османовских владениях на Балканах постоянно обострялись и в конце концов обострились до такой степени, что никакая сила больше не могла одержать ни вооруженного восстания, ни военного столкновения на Балканах — всего через несколько лет после безуспешной попытки Омладины поднять знамя восстания и революции. Все сохранившиеся документы и сама развязка кризиса на Балканах показывают также, сколь упорной была борьба великих держав за то, чтобы кризис был решен при их гегемонии. И дарское правительство не было в этом смысле исключением⁶⁶. Но в данном случае мы не будем входить в более подробное рассмотрение этого вопроса, а вернемся к вопросу о политике народной партии накануне великого восточного кризиса и после его возникновения.

В начале семидесятых годов XIX века политическое влияние народной партии в Венгрии постоянно усиливалось. Клерикальная партия практически перестала играть ту роль, которая принадлежала ей раньше. На выборах в Карловацкий церковно-школьный собор 1870 г. Народная партия получила убедительное большинство, а на самом Соборе отношения между ней и консервативно-клерикальной партией, возглавлявшейся высшей церковной иерархией, еще больше обострились. Реакционные силы сербского общества в Венгрии, изолированные и побежденные в сербском народе, наши союзники в лице венгерского помещичье-буржуазного правительства, что еще больше компрометировало в народе их политику⁶⁷. Но как только была одержана победа в битве с клерикалами, в рядах самой Народной партии начали обнаруживаться и обостряться новые, все более резкие противоречия и столкновения между левым, буржуазно-демократическим и правым, либеральным

⁶⁶ См. Н. Петровић .Светозар Милетић и Народна странка, књ. II, стр. 593-601.

⁶⁷ Димитрије Кириловић .Српски народни сабори. Књ. I, 1861-1875, стр. 126-129, донесение Андраши императору.

крылом. Этот конфликт был следствием и отражением поляризации и дифференциации, вызванных быстрыми шагами капитализма в габсбургской монархии и неравномерностью его развития, а также последствием обострения кризиса на Балканском полуострове. Различие между двумя флангами в начале семидесятых годов было уже столь резко выражено, что левое крыло Народной партии, предводительствуемое Йованом Суботичем и Михаилом Полит-Десанчичем, начало издавать свой собственный орган — газету "Народ", что вызвало недовольство в демократических слоях сербского народа. В этой газете Полит в 1870 г. нападал на Светозара Милетича,⁶⁸ конфликт продолжался и в последующие годы⁶⁹.

Наряду с борьбой внутри Народной партии обострялось и дальше столкновение ее левого крыла с регентским режимом в Сербии, в особенности в связи с его внешнеполитической ориентацией. Народная партия постоянно нападала на австрофильское направление внешней политики регентского совета. Она считала, что односторонняя ориентация внешней политики Сербии наносит большой ущерб национально-освободительной борьбе сербского и других югославянских и балканских народов.

Хотя регентскому совету удалось сорвать попытку Омладин организовать восстание на Балканах, он все же был вынужден в 1872 г. частично корректировать свой предшествовавший политический курс. В сопровождении проавстрийски ориентированного регента Миловое Петровича Блазнаваца князь Милан Обренович нанес в октябре 1872 г. визит императору Александру II в Ливадии. По этому поводу австро-венгерская печать начала серию резких нападок на Сербию, в то время как "Застава", хотя, как мы уже знаем, относилась

⁶⁸ Идфалибиблиотет. "Народ", 1870, № 87. Статья Полита написана в связи с новым догматом о непогрешимости папы, провозглашенным Конклавом католической церкви.

⁶⁹ Письмо М. Полит-Десанчича Йовану Йовановичу Змар от 19. IV. 1872. "Светозар Милетич и Народна странка", кн. II, стр. 328

критически к политике царского правительства, напротив, приветствовала этот шаг как отход от проводившейся до того момента односторонней проавстрийской официальной политики Бедграда. Народная партия, таким образом, и далее весьма последовательно и принципиально проводила в жизнь те положения, которые десятилетием раньше были сформулированы Милетицем в его работе о восточном вопросе.

В рамках этих событий весьма значительным фактом был приезд Светозара Марковича в начале 1872 г. в Нови Сад, где этот молодой революционер скрылся, чтобы избежать ареста. Здесь он написал и напечатал свою знаменитую работу под названием "Сербия на востоке". Он установил тесные связи с левым крылом Народной партии и занял по отношению к ней дружескую, в сущности, положительную, но критическую позицию. В это время отношения Народной партии и либералов Сербии дошли до самой низкой своей точки, а между этими последними и Светозаром Марковичем они были крайне обостренными, даже враждебными. Для политической жизни сербского народа этого периода были, таким образом, характерны новые перестроения и сдвиги. При этом исключительно важным был факт, что политические конфликты и столкновения происходили на широкой арене, выходили за рамки существовавших государственных границ и вовлекали в политическую борьбу все более широкие слои сербского общества к югу и к северу от Дуная и Савы. Все это были симптомы и отзвуки кризисного положения, которое вскоре выразилось в форме открытого взрыва и выдвинуло балканский вопрос на первый план европейской политики. Речь идет о великом восточном кризисе 1875-1878 гг.!

Первые известия о том, что в Герцеговине вспыхнуло восстание, "Застава" встретила с недоверием. Она даже видела в этом "руку Австрии". Однако вскоре обнаружилось, что это не так. В августе 1875 г. "Застава" опубликовала статью "Итак - война с турками", высказываясь за вступление Сербии в войну, но "войну серьезную, дружную и решительную". Одновременно газета обещала, что сербы Венгрии выполнят свой долг, "чего законы им не препятствуют и что

природа, кровь и человечность им приказывает"⁷⁰.

С этого момента "Застава" будет решительно ратовать за вступление Сербии в войну и энергично агитировать за это, считая, что в интересах вооруженной борьбы, которая все больше разгорается, нужно объединить все силы и отбросить все существовавшие до сих пор взаимные столкновения и раздоры. С неослабевающим вниманием газета будет следить за событиями в Болгарии и до конца кризиса действительно последовательно бороться за единство и солидарность балканских народов в борьбе против Османской империи. Последовательно идя по этому пути, Народная партия, во-первых, нормализует свои отношения с сербскими либералами, также выступавшими за войну, затем - с белградским правительством, а в итоге - и с самим Миланом Обреновичем. В середине 1876 г. его демонстративно посетит С. Милетич, чтобы этим показать, что прошлое предано забвению.

Однако агитация Народной партии все больше тревожила будапештское и венское правительства, тем более, что успехи повстанцев и расширение вооруженной борьбы, а также перемена атмосферы и правительства в Сербии предвещали ее скорое вступление в войну. Боевое настроение сербов в Венгрии, их готовность, в границах венгерских законов, помочь борьбе против османов были противоположны интересам и намерениям австро-венгерской дипломатии. Австро-венгерские власти были озабочены, тем более что симпатии делу угнетенных народов Османской империи росли и среди югославянских, и среди других славянских народов габсбургской монархии. Это, естественно, угрожало захватническим планам и намерениям австро-венгерской реакции и новому курсу министра иностранных дел Андраши на Балканах.

Для австро-венгерской дипломатии сучком в глазу была прежде всего решительная борьба Народной партии против вмешательства империи в события на Балканах. Сербия в Венгрии правильно подметила грозящую опасность захватнических

---

⁷⁰ "Застава", 15 июля 1875 /по новому стилю/

стро-венгерских планов на Балканском полуострове, а Народная партия решительно выступала против решения балканского вопроса путем диктата и компромисса великих держав, в том числе и между Россией и Австро-Венгрией при активном содействии и поддержке остальных европейских великих держав. Самая надежная гарантия против решения балканского вопроса под гегемонией европейских великих держав состояла, по мнению Народной партии, в том, чтобы в вооруженное восстание против османов включились как можно более широкие народные массы и как можно более обширные регионы на Балканах. Массовое вооруженное восстание и борьба балканских государств должны были перерасти в силу, которая станет достаточной для того, чтобы в большей или меньшей степени обуздать захватнические намерения великих держав, в первую очередь, Австро-Венгрии, главного и самого опасного врага сербского, остальных югославянских и других славянских народов Юго-Восточной Европы.

Как известно, царское правительство с самого начала боснийско-герцеговинского восстания стремилось к решению балканского вопроса путем компромисса с Австро-Венгрией. Поэтому было совершенно естественно, что царская дипломатия сперва с недоверием и подозрительностью, а затем и с открытой враждебностью следила за деятельностью Народной партии и Омладины. Острые и принципиальные материалы "Заставы" и выступления Светозара Милетича путали и ее собственные дипломатические и политические расчеты и намерения. Поэтому столкновение двух с самого начала противоположных друг другу политических намерений было неизбежным. И действительно, из отчета царского посланника в Вене Новикова и инструкций, посланных ему из Петербурга, ясно можно реконструировать, как в течение 1875-1877 гг. это столкновение все больше обострялось. Более того, царский посланник требовал, чтобы венгерское правительство энергичными мерами воспрепятствовало агитации со стороны "Заставы", Народной партии и Омладины. Никогда ранее столкновение между двумя стратегическими и тактическими

концепциями в решении балканского вопроса не было столь резким и непримиримым⁷¹. Любой энергичный шаг России в пользу восстания, любой ее шаг по оказанию поддержки и помощи Сербии встречал в "Заставе" одобрение и симпатии, но все, что предвещало возможность компромисса и уступки в пользу Австро-Венгрии, подвергалось критике. Вступление не только Сербии, но и России в войну было воспринято со всеобщим одобрением. Разумеется, за этой политикой, чьим вдохновителем опять-таки был С. Милетич, австрийские и венгерские власти следили с подозрением и растущей враждебностью.

Власти почти год колебались относительно того, следует ли предпринять решительные меры против деятельности Народной партии и таким образом обезглавить массовое движение венгерских сербов в пользу восстания. Сербия объявила войну Турции 18 июня 1876 г., а уже 5 июля венгерские власти дали приказ об аресте Милетича. Вместе с ним, а также еще до и после него был арестован целый ряд активистов Народной партии и Омладины. Это в значительной мере фактически обезглавило и ослабило борьбу венгерских сербов за справедливое, прогрессивное решение балканского вопроса. Арестованных сербских общественных деятелей ожидали суд и каторжная тюрьма. Правые либеральные лидеры Народной Партии были пощажены и оставлены на свободе. Власти очень хорошо знали, кто для них опасен, а кого не следует бояться. Милетич, отданный под суд за "государственную измену", арестованный без предварительной парламентской процедуры, предусмотренной венгерскими законами для депутатов венгерского парламента, был приговорен к заключению в каторжной тюрьме и выпущен оттуда лишь после Берлинского конгресса; после того, как он провел в заключении три с половиной года.

По поводу того, каков был вклад венгерских сербов в борьбу Сербии в ходе двух войн против Турции во время великого восточного кризиса, велась в период между двумя ми-

⁷¹ АВПР, Канцелярия, отчеты Новикова Горчакову 1876-1877 гг.

ровыми войнами полемика между Слободаном Йовановичем и Васой Стаичем. Йованович утверждал, что после ареста Милетица у воеводинских сербов не было сил что-либо сделать и что поэтому Сербия не имела "от них никакой действительной пользы" в войне с Османской империей. Стаич, правда, очень сдержанно, возражал против этой точки зрения⁷². Спор велся вокруг того, сколько добровольцев перешло из Венгрии в Сербию и каковы были размеры материальной помощи, оказанной Воеводиной. Если свести вопрос к этому и только в этом видеть помощь, тогда о какой-то более значительной материальной помощи действительно невозможно говорить. Ответ будет другим, если поставить вопрос о том, каково было политическое и историческое значение борьбы, которую вели сербы в Венгрии в период с 1860 г. до Берлинского конгресса 1878 г., да и после этого.

Решения Берлинского конгресса нанесли Народной партии тяжелый удар, от которого ей больше не оправиться. И не только ей, но и прогрессивным силам сербского общества вообще. Впрочем, это и было целью берлинского диктата великих держав. Они по совершенно понятным причинам заключили мир и создали новую обстановку на Балканском полуострове, по своей сути противоположную стремлениям и интересам революционных, прогрессивных и демократических политических сил. Намерением великих держав было не поощрить, а наоборот, затормозить и затруднить дальнейшие прогрессивные процессы на Балканах.

Берлинский конгресс был одновременно и тяжелым поражением царской дипломатии и ее политической линии. Ее по меньшей мере сдержанная позиция по отношению к массовым демократическим движениям, ее стремление добиться решения восточного вопроса путем компромисса европейских великих держав обернулось в конце концов против нее самой. Боязнь царской дипломатии, что в освободительных движениях на Балканах возьмут верх прогрессивные демократические силы,

⁷² По этому вопросу см. также: "Светозар Милетић и Народна странка", кн. П, стр. 600-601.

что именно они наложат свой отпечаток на события, что они в той или иной мере изменят своей борьбой соотношение сил в пользу демократических устремлений угнетенных и эксплуатируемых народов, — эта политика принесла горькие, нежеланные плоды.

После Берлинского конгресса в Народной партии взяли верх оппортунистические, праволиберальные течения. Вскоре после возвращения с каторги, испытывая горькое разочарование, Милетиц остался одиноким и изолированным. Пораженческие элементы осуждали прежний непоколебимый курс партии, утверждая, что он привел к полной неудаче. Тяжелое заболевание Милетица в 1883 г., а затем и его полный отход от политической жизни в связи с этим ускорили кризис партии. Но если бы этого и не было, этот кризис был неизбежен и непременно закончился бы ее распадом. Капиталистическое развитие проложило непреодолимую пропасть между богатой сербской торговой и сельской буржуазией, с одной стороны, и мелкобуржуазными слоями сербского общества в Венгрии, с другой. Поляризация охватила и деревню, и город. Быстро росла численность сельской бедноты. Вследствие этого после Берлинского конгресса неизбежно должны были усилиться оппортунистические элементы, всегда противостоявшие курсу левого крыла партии. На левом фланге появилась и так называемая Новая Омлядина. Численность промышленного пролетариата среди сербов осталась в дальнейшем крайне незначительной. Для всех сербов в одной партии больше не было места. Распад Народной партии на малочисленную и слабую Сербскую либеральную партию и гораздо более сильную массовую крестьянскую Сербскую радикальную партию закончился в 1885 г. Борьба сербского народа за национальное равноправие и свободу, за свои политические и социальные права вступила в новый этап.

Список опубликованных важнейших научных работ
Н.Петровича, связанных с защищаемой темой

Книги

1. Светозар Милетић /1826-1901/. Изд.НОЛИТ,Београд,1958. 260 стр.
2. Око Милетића и после њега. Чланци, расправе и полемика. Изд.Матице српске. Нови Сад,1964. 397 стр.
3. Светозар Милетић и Народна странка. Грађа 1960-1885; књ. I. Изд.Историјски архив САП Војводине. Сремски Карловци, 1968 /материјали о предисловијем, введении и вводитним текстами к каждой главе/. 710 стр.
4. Светозар Милетић и Народна странка. Грађа 1860-1885, књ. II. Изд.Историјски архив САП Војводине. Сремски Карловци,1969 /материјали, предисловије и вводитне тексты к каждой главе/. 779 стр.

Статьи

1. Седамдесетогодишњица Уједињења омладине српске. "Наша отарност",Београд,1936, књ 3-4.
2. Светозар Милетић. "Млада култура", Београд,1937,књ 5.
3. Омладина и културна прошлост Војводине. "Наш живот"; Нови Сад, 1937, књ 9.
4. Три војвођанске политике. "Војвођански зборник",Нови Сад,1938, књ I.
5. О Васи Богданову и четрдесетосмој. "Уметност и критика", Београд,1939, књ 3.
6. Светозар Милетић и Париска комуна. "Детонис Матице српске",књ.377, св.5 и 6. Нови Сад,1956.
7. О једном непознатом писму Владимира Јовановића после убиства Михаила Обреновића. "Детонис Матице српске", кн.386, св.2-3.Нови Сад,1960.
8. На распућу двеју епоха - чланак који је обележио епоху. "Детонис Матице српске",кн.378,св.6.Нови Сад, 1961.

9. Друштvene и политичке прилике у Војводини у доба оснивања Српског народног позоришта. "Споменаца Српског народног позоришта". Нови Сад, 1961.
10. Научна историографија или тенденциозна публицистика - о једном покушају тенденциозног извртања истори - ских чињеница. "Зборник Матице српске за друшт - вене науке", св. 31. Нови Сад, 1961.
11. Югославянские народы Австро-Венгрии и борьба балкан - ских народов за политическую и экономическую незави - симость. Выступление на XII международном конгрессе исторических наук в Вене в 1965 г. Опубликовано на немецком языке в кн.: "Congrès International des Sciences Historiques. Vienne", Actes V.
12. Filozofija istorije i istorijski metod Slobodana Jova - novića. "Jugoslavenski istorijski časopis", Beograd, 1965,
13. О покушају устанка Уједињене омладине српске 1871- 1872. "Детопис Матице српске", књ. 398, св. 5. Нови Сад. 1966.
14. Историјско место, улога и значај Уједињене омладине српске. "Уједињена омладина српска". Зборник радова. Нови Сад, 1969.
15. Russland und die Aussenpolitik Serbiens in den sechzi - ger Jahren des XIX Jahrhunderts. "Ludovit Štur und die slawische Wechselseitigkeit". Bratislava, 1969.
16. Marx und Engels über Russland und die Südslawen. "Ludovit Štur und die slawische Wechselseitigkeit". Bratislava, 1969.
17. Аустро-угарска нагодба, градови и источно питање. "Ослобођење градова у Србији од Турака 1862-1867". Зборник радова. Београд, 1970.
18. Der österreichisch-ungarische Ausgleich und die Orien - talische Frage. "Der österreichisch-ungarische Aus - gleich". Bratislava, 1971.

19. Odjeci Pariske komune u srpskoj javnosti Vojvodine i Ujedinjenoj omladini srpskoj . "Pariska komuna 1871-1971". Zbornik radova. Beograd, 1971.
20. Сербы Воеводины и национально-освободительная борьба против османского господства на Балканах в 60-х - начале 70-х годов XIX века. В об.: "Вопросы первоначального накопления и национальных движений в славянских странах". Москва, 1972 .

Подписано к печати 27/III-1974 г.
Объем 4,25 п.л. Тир. 200 экз. Зак. 182
Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

